
ЛИНА ЛУН
СВЕТ ВАЛЕРИ
ТОЧКА ОТСЧЕТА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Лина Лун

Свет Валери. Точка отсчета

https://litres.ru/74792568
SelfPub; 2026

Аннотация

Стратег: Нам нужно развеяться. Что мы ему сказали? Что мы дома. Оставаться дома обещания не было.

Женщина 30+: Но он ведь просил сообщать о том, где мы находимся вечером.

Скептик: А губозакаточную машинку ему не подарить? Надоело.

Стратег: Соглашусь. Сидеть тут и крутить мысли вообще не хочется.

Скептик: Что делаем?

Стратег: В бар!

Скептик: В бар.

Женщина 30+: Разбираться с последствиями этого решения, видимо, предстоит Валери из будущего..

Что вас ждет в книге:

Очень горячие, подробные и сочные сцены близости практически в каждой главе! Без цензуры!

Взрослая героиня, которая умеет задавать неудобные вопросы.

Ирония, живые диалоги и внутренние споры. Внутренние Стратег, Скептик, Психолог, Женщина 30+ и другие.

Ревность, личные границы и поиски способа быть вместе, не теряя себя.

Эта история начинается как современный любовный роман, но постепенно в привычную жизнь героев вплетается нечто необъяснимое. Жанр фантастики будет развит позже!

Содержание

Глава 1. Первый вечер 5
Глава 2. Первая ночь 57
Глава 3. Первое утро 128
Конец ознакомительного фрагмента. 177

Лина Лун
Свет Валери. Точка отсчета

Глава 1. Первый вечер

Вечер субботы, самое начало ноября. Экран Apple Watch на моём запястье коротко подсвечивается, когда я глушу двигатель: 19:32. До назначенного начала полчаса.

Сегодня предстоит несколько часов вести покер на дне рождения каких-то определённо богатеньких ребят. Хотя заказчица была довольно вежливой и милой. Посмотрим..

На широкой мощёной площадке перед двухэтажным загородным домом под соснами уже стоят три машины, включая массивный чёрный внедорожник у самого крыльца.

В голове тут же проснулся Бухгалтер.

Бухгалтер: Вот смотрите, чтобы нам накопить на такую машину, мы должны работать семь дней в неделю.

Женщина 30+: Ага. А жить когда?

Я забираю с заднего сиденья тяжёлый алюминиевый кейс с фишками, прихватываю под мышку тубус с рулоном сукна и поднимаюсь по широким ступеням к входной двери.

Не успеваю нажать на звонок — дверь распахивается раньше. На пороге стоит заказчица Анна в тёмно-синем коктейльном платье, зажав телефон между плечом и ухом. Од-

ной рукой она пытается застегнуть замочек тонкого браслета на запястье, который никак не поддаётся.

— Да, курьер пусть сразу к калитке подъезжает, Максим встретит, — быстро говорит она в трубку, сбрасывает вызов и с облегчением выдыхает, поднимая взгляд на меня. — Валери! Привет, проходи, пожалуйста. Я эту застёжку сейчас просто оторву с мясом, честное слово, пять минут с ней воюю. Как добралась, на переезде не стояла?

— Привет! Всё отлично, куда повесить куртку?

В просторной прихожей тепло и пахнет свежим деревом, кофе и немного — дымком с улицы. Анна наконец защёлкивает браслет и забирает у меня тубус с сукном, кивая на вешалки.

Я ставлю кейс, снимаю верхнюю одежду и убираю её в гардеробную нишу. Затем подхватываю кейс и иду за Анной в гостиную.

Огромная светлая гостиная — со вторым светом и панорамными окнами во двор.

Пространство продумано удобно: справа — мягкая зона у камина и широкая деревянная лестница на второй этаж, слева — длинный кухонный остров из тёмного камня, за которым громоздятся коробки с бокалами, ведёрко со льдом и открытые бутылки вина. В самом центре комнаты стоит массивный дубовый стол на восемь персон, уже полностью освобождённый от посуды. За стеклянной дверью террасы виднеются двое мужчин у гриля — один из них в куртке по-

верх футболки активно жестикулирует, переворачивая щипцами мясо.

— Мы специально сдвинули стол ближе к центру, чтобы тебе было где развернуться, — тараторит Анна, кладя тубус на столешницу и оглядывая меня с улыбкой. — Выглядишь просто супер, с этим жемчугом — прямо как в закрытом клубе. Слушай, у нас часть ребят ещё паркуется на въезде, именинник вон на террасе возомнил себя шеф-поваром, а Димка со Светой наверху, Света после дороги пудрится. Тебе налить воды, кофе, может, сразу просекко? Хотя ты же за рулём...

— Я буду просто воду с лимоном, благодарю.

Я ставлю кейс на край стола, щёлкаю двумя металлическими замками и откидываю крышку, где ровными рядами лежат тяжёлые керамические фишки, две новые колоды в плёнке и пластиковая кнопка дилера. Анна подхватывает со стойки пустой поднос, бросает короткое «я сейчас, только унесу это на кухню и принесу тебе стакан воды» и скрывается за перегородкой.

Я мельком оглядываю интерьер. Да-а, размах. Мне, чтобы накопить на такой дом, нужно или выйти замуж за миллионера по расчёту, или продать несколько органов.

Когда я достаю из тубуса плотное матовое сукно и раскатываю его вдоль дубовой столешницы, сверху, со стороны лестницы, раздаются неторопливые шаги по деревянным ступеням.

По лестнице спускается высокий широкоплечий мужчина в тёмно-серой футболке-хенли с расстёгнутой верхней пуговицей и тёмных джинсах. На середине пролёта он убирает телефон в задний карман, поднимает голову — и его взгляд сразу находит меня.

Женщина 30+: Всем внимание! На горизонте красивый мужчина!

Стратег: Не пялимся.

Он не сбавляет шаг, но последние несколько ступеней проходит, не отрывая от меня очень тёмных, почти чёрных глаз. Взгляд прямой, плотный и цепкий — скользит по гладко убранным в низкий хвост волосам, задерживается на линии шеи и жемчужном воротнике чёрной блузки, опускается к моим рукам на зелёном сукне и возвращается обратно к лицу.

Скептик: Зато он пялится. И взгляд у него, как у хищника.

Женщина 30+: Мы любим таких. Знают, чего хотят, а не мнутся 3 дня, чтобы написать.

На верхней площадке раздаётся сухой перестук каблуков. Вслед за ним спускается высокая блондинка в свободном шёлковом платье цвета шампанского и с крупными серьгами в ушах. Поравнявшись с мужчиной у нижней ступени, она привычным жестом кладёт ладонь с ярким маникюром ему на предплечье:

— Дима, ну ты хотя бы подождал, я вообще не ориентируюсь в этом доме, — произносит она прохладным, чуть тя-

гучим голосом и тут же переводит оценивающий взгляд на меня и разложенный инвентарь. — О. А нам говорили, что будет обычный вечер с друзьями.

Женщина 30+: Отбой пожарной тревоги.. Не наш вариант.

Дмитрий не поворачивает к женщине головы. Он делает несколько шагов в сторону стола, так что её рука сама собой соскальзывает с его локтя, а из кухни как раз выходит Анна со стаканом воды с лимоном для меня. Я благодарю её кивком.

— Так, все в сборе, отлично! — Анна ставит стакан на угол стола рядом с моим кейсом. — Знакомьтесь, это Валери, наш сегодняшний крупье и главный арбитр. Валери, это наши друзья — Дмитрий и Светлана.

Светлана коротко, одними губами улыбается и сразу отходит к кухонному острову, потянувшись к высокому бокалу с шампанским. Дмитрий же останавливается по ту сторону стола прямо напротив меня, кладёт ладонь на спинку массивного стула и смотрит мне прямо в глаза:

— Добрый вечер, Валери. Аня весь день держала интригу. Значит, сегодня играем по вашим правилам?

Женщина 30+: Он подкатывает! Точно вам говорю!

Скептик: Он задал вопрос про наши правила, когда мы собрались играть в покер. Я уже сомневаюсь в его интеллектуальных способностях.

Женщина 30+: Это завуалированный подкат!

Мой взгляд замечает кольцо.

Скептик: У него есть жена.

Я вежливо улыбаюсь.

— Добрый вечер, Дмитрий. Сегодня у нас покер. Правила покера придумала не я, я лишь буду их контролировать. Вы знакомы с ними?

Уголок губ Дмитрия едва заметно приподнимается. Он не убирает ладонь со спинки стула.

— С базовыми знаком, — отвечает он ровным низким голосом. — Но правила везде одни, а вот то, как именно следят за порядком за столом, всегда зависит от человека. Посмотрим, насколько строгий у вас контроль, Валери.

В этот момент из прихожей доносятся голоса и смех — в гостиную заходит ещё одна пара: высокий кудрявый парень в светлой рубашке и рыжеволосая девушка в изумрудном брючном костюме с двумя большими подарочными пакетами в руках. Одновременно с этим сдвигается стеклянная дверь террасы, впуская в комнату волну вечерней прохлады и запах жареного мяса. Внутрь входят именинник Максим и коренастый мужчина с короткой бородой в чёрном поло.

— О, у нас тут уже настоящее подпольное казино! — Максим на ходу вытирает руки полотенцем, улыбается мне через комнату и кивает. — Привет! Я Максим. Сейчас мы быстро разберёмся с подарками, и все семь человек в вашем полном распоряжении.

Именинника тут же перехватывают у кухонного острова: рыжеволосая девушка лезет обниматься, вручая пакеты, бо-

родатый приятель громко спорит с кудрявым, чья очередь открывать вторую бутылку вина, а Анна раздаёт бокалы. Светлана остаётся у дальнего края стойки — держит в пальцах ножку фужера с просекко и вполголоса что-то обсуждает с Анной.

Дмитрий в общей суматохе не участвует. Он отходит к острову ровно на полминуты: берёт низкий тяжёлый стакан, бросает туда щипцами два кубика льда и плещет на два пальца янтарного виски из открытой бутылки.

Вместо того чтобы остаться с остальными у бара, он неторопливо обходит стол и останавливается совсем рядом со мной — у места по левую руку от позиции дилера. Ставит стакан на деревянный бортик за краем раскатанного сукна, опирается бедром о край столешницы и смотрит, как я достаю из кейса запечатанные колоды и выстраиваю столбики тяжёлых керамических фишек.

Я не отвлекаюсь от подготовки стола.

Лёд в его стакане тихо звякает о стекло, когда он делает небольшой глоток и переводит взгляд с моих пальцев на часы на моём запястье, а затем к лицу:

— Семь человек за столом, половина после вина и шампанского, — негромко произносит он так, что за шумом у барной стойки его слышу только я. — Вы со всеми компаниями так вежливы в начале вечера или только пока фишки не розданы?

Скептик: С ним что-то не так.

Женщина 30+: Мы просто ему понравились.

Скептик: При живой жене?

Стратег: Панику отставить. Что он там спрашивает? «Вы со всеми так вежливы?»

Скептик: Я продолжаю сомневаться в его интеллектуальных способностях.

Женщина 30+: Может, он тоже растерялся..

Скептик: Ага, вижу, как он растерян, аж коленки трясутся.

Стратег: Надо ответить.

Шутница: Я скажу!

Женщина 30+: Только не подъёбывай!

Я поднимаю на него взгляд и чуть ухмыляюсь, продолжая разбирать фишки.

— А вы часто встречаете невежливых ведущих?

Керамические фишки глухо и весомо щёлкают друг о друга под моими пальцами, вырастая на зелёном сукне в семь ровных разноцветных стопок.

Дмитрий задерживает взгляд на моей ухмылке, и в глубине его тёмных глаз мелькает довольный блеск.

— Вежливых встречаю регулярно, — негромко отвечает он, чуть подаваясь корпусом ближе к столу. — Но у большинства на лице написано старательное желание угодить клиенту. А вы смотрите так, будто уже прикидываете, кто из нас первым вылетит из-за стола.

Скептик: В точку.

Он не ждёт приглашения от хозяев: берёт за спинку ближайший ко мне стул — прямо по левую руку от места крупье — отодвигает его и неторопливо садится, закидывая ногу на ногу. Рукава своего серого хенли он подтягивает чуть выше, к локтям, обнажая крепкие предплечья и стальной корпус часов на левом запястье.

Женщина 30+: Боже, как от него вкусно пахнет..

Я снова бросаю незаметный короткий взгляд на его кольцо.

У кухонного острова раздаётся короткий звон бокалов — гости выпивают за именинника и гурьбой тянутся к столу.

— Так, чур я поближе к бару, чтобы далеко не бегать! — Бородатый мужчина в чёрном поло с тарелкой оливок и сыра плюхается на стул с правого края и протягивает мне свободную руку через сукно: — Игорь. Можно просто главный спонсор сегодняшнего банка, потому что блефовать я не умею вообще.

— Подтверждаю, в прошлый раз он в Сочи слил мне все фишки за двадцать минут, — смеётся кудрявый парень, устраиваясь за столом вместе с рыжеволосой девушкой. — Я Денис, это моя жена Кристина.

Я улыбаюсь им и говорю:

— Приятно познакомиться.

Кристина приветливо машет мне рукой, поправляя лацкан изумрудного пиджака. Максим с Анной занимают места напротив меня, в центре длинной стороны стола.

Светлана подходит к столу последней. Она останавливается за спинкой стула рядом с Дмитрием, коротко смотрит на то, как близко его плечо находится от моей руки с колодой, и тонко поджимает накрашенные губы.

— Дима, тут с краю дует от террасы, — замечает она, опускаясь на стул по левую руку от мужа и поправляя шёлковую складку платья на коленях. — Мог бы сесть дальше.

Мог бы, но не сел. Теперь что, надо портить всем настроение из-за этого? Она чует. Точно чует. Интересно, он всегда ведёт себя так?

Психолог: Я пока придержу свои комментарии о происходящем. Давайте работать.

— Дверь закрыта, Света, — ровно, даже не поворачивая к ней головы, отзывается Дмитрий. Он берёт верхнюю тёмную фишку из стопки, которую я только что пододвинула к его сектору, и медленно перекатывает её между указательным и средним пальцами, глядя снизу вверх на меня. — Ну что, Валери. Все на местах. С чего начнём?

Я улыбаюсь собравшимся.

— Добрый вечер, меня зовут Валери, и сегодня я проведу для вас вечер покера. Для начала определимся: играем ли на реальный банк или вы хотите просто посидеть, посмотреть на картинки на картах?

За столом раздаётся дружный смех — Игорь даже откладывает оливку обратно на тарелку и с уважением стучит ладонью по краю столешницы.

— Опа, нас сразу взяли на слабо! — хохочет он, поворачиваясь к имениннику. — Макс, ну после такого просто гонять пустые фантики вообще не вариант, нас за пацанов считать не будут. Давай нормальный вход в банк, скидываемся наличными, победитель забирает всё!

— Только без фанатизма, я сегодня планировала уехать домой в этих же серёжках, — смеётся Кристина, толкая локтем мужа.

— По пять тысяч с носа в общий котёл, — предлагает Максим, доставая телефон. — И азарт есть, и никто не подерётся. Дим, ты как?

— Без реального банка никто не станет думать над ставками, — негромко отвечает Дмитрий. Он достаёт из заднего кармана джинсов тонкий кожаный кардхолдер, вытягивает оттуда две пятитысячные купюры и кладёт их прямо на деревянный бортик перед собой, за пределами сукна. — За себя и за Свету. Чтобы не смотреть просто на картинки.

— Мне вообще-то всё равно, на что играть, — небрежно замечает Светлана, делая маленький глоток шампанского, но купюры со стола не убирает.

За полминуты остальные пять игроков отсчитывают по пять тысяч наличными и складывают купюры в стопку у края стола. Дмитрий оставляет свои десять тысяч перед собой.

— Кто не знаком с правилами покера и не знает комбинации? — Я обвожу собравшихся взглядом.

Первой руку поднимает Анна, а следом за ней с виноватой

улыбкой тянет ладонь Кристина:

— Я знаю, что две двойки — это пара, но вот что старше, стрит или флеш, путаю каждый раз.

Я коротко и чётко проговариваю структуру раздачи — от обязательных ставок вслепую до пятой карты на столе — и раскладываю перед гостями плотные лакированные карточки с иерархией комбинаций. Кристина с Анной тут же склоняются над ними, сверяя картинки, а Светлана, когда я кладу одну памятку между ней и Дмитрием, лишь скользит по карточке взглядом и отодвигает её кончиком ногтя чуть в сторону.

— Мне тоже дай шпаргалку, Валери, я после второго бокала и масти путать начну, — тут же вклинивается Игорь.

Дмитрий к памятке даже не прикасается. Пока я объясняю правила, он сидит вполоборота ко мне, положив правое предплечье на стол совсем рядом с моим локтем. Я ненадолго задерживаю взгляд на его руке и возвращаюсь к объяснению. От него тянет терпким древесным парфюмом и холодным виски из стакана.

Стратег: Ну всё, работаем. Не отвлекаемся.

Пластиковые карты с сухим шелестом веером расходятся в моих руках. Я кладу белую шайбу дилера перед Игорем — он сидит справа от меня, — а значит, малый блайнд на первой раздаче автоматически падает на сектор Дмитрия, прямо по мою левую руку, а большой — на Светлану.

Дмитрий без напоминаний сдвигает одну фишку за ли-

нию. Светлана, помедлив секунду, нехотя бросает следом две.

По две закрытые карты скользят по зелёному сукну к каждому игроку. Когда я сдаю карты Дмитрию, он не ждёт, пока они долетят до его края — накрывает их широкой ладонью чуть раньше, возле моих пальцев, приподнимает уголки плотного пластика над сукном и коротко заглядывает под них. На лице не дрожит ни один мускул.

Первым слово берёт Денис: щурится в свои карты, хмыкает и уравнивает ставку. Кристина тут же сбрасывает:

— Не, там вообще какая-то тоска, я пас.

Максим с Анной и Игорь поддерживают ставку, закидывая фишки в центр. Очередь доходит до Дмитрия. Он смотрит не на центр стола и не на карты — поднимает взгляд на моё лицо, берёт из своей стопки сразу три тяжёлые фишки и с негромким щелчком ставит их вперёд, повышая ставку.

— Ничего себе начало, — присвистывает Денис с другого конца стола. — Дима даже первых трёх карт не дождался.

Светлана, глянув в свои карты, с сухим стуком бросает их рубашкой вверх в сторону центра стола и откидывается на спинку стула, скрещивая руки на груди. Денис уравнивает повышение. Максим и Анна тоже пасуют, не желая рисковать в первой же раздаче.

— У него просто лицо всегда такое, будто там два туза, — бурчит Игорь, но свои фишки всё-таки двигает в центр. — Ладно, проверим.

В игре остаются трое: Дмитрий, Денис и Игорь.

Я сжигаю верхнюю карту в отбой и одним слитным движением выкладываю в центр сукна первые три карты флопа: червовый король, пиковая десятка и бубновая десятка.

Игорь шумно выдыхает через нос и чешет бороду, переводя взгляд со стола на невозмутимого Дмитрия. Дмитрий же берёт свой стакан с виски, делает неторопливый глоток и двумя пальцами свободной руки дважды негромко постукивает по сукну прямо возле моей ладони, объявляя чек.

Денис неуверенно переводит взгляд с двух десяток на столе на лицо Дмитрия и тоже стучит костяшками пальцев по сукну:

— Я пас... то есть чек. Пропускаю.

— А я не верю, что у кого-то с раздачи десятка зашла, — азартно заявляет Игорь и толкает вперёд две зелёные фишки. — Повышаю.

Пока ход возвращается по кругу, мой взгляд снова скользит к правой руке Дмитрия. Его кисть спокойно лежит на зелёном сукне совсем близко от отбойной стопки карт: широкая ладонь, длинные пальцы с короткими аккуратными ногтями, чётко очерченные сухожилия и проступающие под кожей вены. На другом запястье — стальные часы. Он не теребит карты и не прячет их в ладонях, как Денис, — просто придерживает глянцевый пластик подушечками указательного и среднего пальцев.

Дмитрий замечает мой быстрый взгляд. Когда очередь до-

ходит до него, его пальцы чуть сдвигаются по сукну в мою сторону — он берёт из своей стопки четыре тяжёлые чёрные фишки и неторопливо выдвигает их на линию.

— Перебиваю, — ровно произносит он.

Денис тут же со смехом швыряет свои карты в отбой:

— Всё, без меня, мальчики, я в эту мясорубку не лезу!

Игорь кряхтит, долго сверлит взглядом невозмутимого Дмитрия, но всё-таки доставляет недостающие фишки в банк. Пока все следят за Игорем, я невзначай смотрю на руку Дмитрия, затем собираю ставки в общую кучу в центре стола, сжигаю ещё одну карту и открываю четвёртую — пикового туза.

Стратег: Хватит пялиться на его руки.

Женщина 30+: Но они такие сексуальные у него.. Не могу отвести взгляд!

— Да ну нафиг, — стонет Игорь, откидываясь на спинку стула, а Максим с Анной напротив смеются, переглядываясь.

Светлана в это время даже не смотрит на сукно — она достаёт из маленькой сумочки телефон, кладёт его себе на колени под столом и лениво листает ленту, изредка пригубливая шампанское.

Дмитрий снова смотрит не на туза в центре стола, а на мои руки, когда я выравниваю стопку банка, и двигает вперёд ещё одну высокую башню фишек. На этот раз Игорь не выдерживает — с досадой машет рукой и сбрасывает свои карты в отбой:

— Забирай! С твоим лицом только в налоговой сидеть, вообще ничего не прочитаешь. У тебя там что было-то хоть?

— Карты показывают за деньги, Игорь, — с лёгкой усмешкой отзывается Дмитрий.

Не знаю почему, но эта его фраза пробивает меня на мурашки.

Психолог: Интересная реакция.

Женщина 30+: Очень интересная.. А можно, он ещё что-нибудь скажет?

По правилам он не обязан открывать руку, если все спасовали. Но вместо того чтобы бросить свои две закрытые карты в центр стола, как остальные, Дмитрий плавным движением ведёт их по сукну прямо к моей левой руке, туда, где лежит колода. Он останавливает карты возле моих пальцев и секунду не убирает с них ладонь — так что, когда я тянусь забрать их в отбой, я кожей ощущаю сухое тепло его пальцев.

У нас проблемы. Он тёплый.

Скептик: Какое очевидное наблюдение, учитывая, что он живой. Живые — тёплые.

Стратег: Здесь кто-нибудь будет работать сегодня?

В следующих раздачах игра набирает ход. Компания окончательно осваивается: Кристина в третьей раздаче неожиданно собирает флеш на червах и с визгом забирает банк у собственного мужа, Максим подливает всем вина, а Светлана дважды подряд сбрасывает карты ещё до флопа, явно скучая.

— Ань, а где у вас тут можно руки помыть и припудриться? — наконец спрашивает Светлана, откладывая телефон и поднимаясь из-за стола. — И мне бы воды без газа, от этого брюта голова начинает гудеть.

Женщина 30+: Пить меньше надо. Давно уже не двадцатилетка.

— Прямо по коридору за лестницей, Свет, первая дверь налево, — машет рукой Анна и сама поднимается со стула. — А за водой пошли покажу, у нас большие бутылки в кладовке за кухней стоят. Макс, посмотри за моими фишками, не смей их проигрывать!

— Я сейчас всё на зеро поставлю, — грозится Максим, пересаживаясь ближе к сектору жены, а Игорь с Денисом тут же начинают спорить с ним, какие вообще шансы собрать каре за один вечер, и тянутся к тарелке с нарезкой.

Светлана и Анна уходят за перегородку кухни и дальше в коридор. За столом на пару минут возникает пауза между раздачами: мужчины на правом фланге шумно обсуждают прошлую партию и накладывают себе закуски, не глядя в нашу сторону.

Дмитрий остаётся сидеть рядом со мной. Он чуть поворачивает корпус к моему углу стола, кладёт оба предплечья на стол и, глядя на то, как я собираю и тасую колоду для нового круга, тихо — только для моих ушей — произносит:

— Ты ведь видела мои карты, когда я чуть не засветил их на первой раздаче, поднимая уголки. Там был полный мусор,

разномастные двойка и семь. Но Игорю ты и бровью не повела.

Скептик: Он считает, что у нас к нему особое отношение. Мы вообще-то профессиональный крупье, и не в наших правилах сдавать карты гостей.

Женщина 30+: Я уверена, что он просто растерян от нашей привлекательности и невозмутимости и не знает, как ещё подкатить. Он просто поплыл! Перестань цепляться к каждому слову!

Я чуть улыбаюсь — на этот раз искренне, но не поднимаю глаз от колоды.

— Видела. Вашему хладнокровию только позавидовать.

Я бросаю на него взгляд и возвращаюсь к картам, продолжая тасовать.

Пластиковые карты с мягким щелчком врезаются друг в друга в моих руках и веером сходятся в ровную пачку.

Дмитрий ловит мой короткий взгляд и эту перемену в улыбке — когда вежливая маска ведущей на секунду сменяется живым выражением. Он чуть склоняет голову набок, рассматривая мой профиль, линию скулы и мелкие жемчужины на чёрном воротнике, пока я снова смотрю на колоду.

— По части хладнокровия мы с тобой пока на равных, — так же негромко произносит он. — Я хотя бы блефую ради банка. А ты видишь чужие промахи, молчишь и даже первую настоящую улыбку за вечер прячешь обратно в колоду. Ещё и дистанцию на «вы» держишь.

Стратег: Так-так-так! Тормозим! Ситуация «Гость пошёл в разнос»!

Женщина 30+: Но он же нам тоже нравится.

Стратег: Если мы будем флиртовать с каждым гостем, который нам нравится, мы обретём очень неприятную славу.

Женщина 30+: Твоя правда..

Я держу невозмутимое лицо перед ним.

На другом конце стола Максим разливает красное вино по бокалам Дениса и Игоря. Кристина крутит в пальцах пластиковую шайбу дилера и нетерпеливо заглядывает в сторону коридора:

— Слушайте, если Света там застряла у зеркала, может, раскидаем пока кружок без неё? У меня только-только карта пошла!

Из-за кухонного острова выходит Анна с большой деревянной доской, на которой дымится нарезанное ломтиками мясо с гриля, и ставит её на свободный край стола ближе к мужчинам.

— Свете кто-то по работе позвонил, она в прихожей разговаривает, махнула, чтобы раздавали без неё, — говорит Анна, усаживаясь обратно на своё место и пододвигая к себе фишки. — Так что пропускаем её бокс.

Игорь тут же накалывает вилкой кусок стейка, а Денис двигает шайбу дилера по сукну дальше по часовой стрелке — прямо к сектору Дмитрия. Теперь позиция «на кнопке» у него: он получает карты последним и после флопа действует

последним в каждом круге торговли.

Я заканчиваю тасовать и кладу колоду на сукно перед Дмитрием для обязательной срезки перед раздачей. Он не спешит снимать верхнюю часть пачки — сначала берёт двумя пальцами тонкую пластиковую подрезную карту, медленно ведёт её по зелёному сукну к моей руке и, сняв половину колоды, легко задевает костяшками пальцев внешнюю сторону моей ладони.

Женщина 30+: Есть контакт!

Скептик и Стратег: Хватит! Работаем.

Психолог: А у меня идея..

— Сдавай, Валери, — спокойно говорит он, глядя мне в глаза, и отводит руку к своему стакану с виски. — Посмотрим, кому сейчас зайдёт.

Психолог: Смотрим на часы.

Привычным жестом разворачиваю запястье, чтобы посмотреть, который час.

Экран часов на секунду загорается мягким светом — 20:18.

Психолог: Ждём реакцию.

Я накрываю срезанную часть колоды второй половиной и быстрыми, отточенными движениями рассылаю карты по сукну, пропуская пустующее место Светланы.

Дмитрий замечает мой короткий взгляд на циферблат. Когда его пара карт ложится на край зелёного полотна, он приподнимает уголки одной рукой, скользит по ним взгля-

дом и оставляет карты перед собой.

На противоположном краю стола остальные тут же оживляются.

Игорь прожёвывает кусок стейка и обращается к хозяину:

— Макс, мясо просто космос, чем мариновал?

— Лук, розмарин и вообще никакого уксуса, я тебе сто раз говорил, — отвечает Максим, но от карт не отвлекается и тут же поднимает ставку. — Давай, Игорь, поддерживай, не жмись.

Анна сбрасывает, а Игорь поддерживает повышение.

Дмитрий лёгким толчком отправляет карты к моей ладони.

— Пас, — коротко бросает он для стола.

— О, главный акула вышел на перекур, живём! — радостно объявляет Игорь.

Денис тоже сбрасывает карты.

— Вы меня сейчас вдвоём разденете, — смеётся Кристина, сверяясь со своей лакированной памяткой, но фишки в банк всё-таки докладывает.

Я забираю карты Дмитрия в отбой, сжигаю верхнюю с колоды и открываю в центре три карты флопа: бубновый валет, червовая восьмёрка и трефовая тройка.

Пока Максим, Игорь и Кристина шумно спорят над ставками и тянутся через стол к блюду с мясом, Дмитрий сидит вполоборота ко мне, свободно положив локоть на спинку своего стула. Выйдя из раздачи, он вообще перестаёт смот-

реть на чужие фишки — всё его внимание остаётся на том, как двигаются мои руки по сукну, как я подравниваю стопку отбоя и перевожу взгляд с одного игрока на другого.

— Считаешь минуты, сколько ещё терпеть нас по регламенту? — совсем тихо, под прикрытием смеха Дениса и Игоря, произносит он.

Психолог: Бинго!

Скептик: И что это был за эксперимент?

Психолог: Если бы ему было всё равно на наше присутствие, он бы даже не заметил. И уж тем более не сказал бы это.

Женщина 30+: Спасибо.

Психолог: А ещё людей, которым небезразличен собеседник, может задеть, когда рядом с ними поглядывают на часы. Особенно таких, как он.

Прежде чем я успеваю открыть четвёртую карту на столе, со стороны прихожей снова раздаётся цокот каблуков. Светлана возвращается в гостиную, на ходу швыряя телефон в маленькую сумочку. Лицо у неё натянутое. Она подходит к своему месту, с резким звуком отодвигает стул по ламинату и садится слева от Дмитрия.

— Это просто издевательство какое-то, — громко жалуется она, обращаясь ко всему столу, и тянется за своим недопитым бокалом шампанского. — Стоило уехать за город на один вечер, как управляющая салоном умудрилась перепутать всю поставку на понедельник. Дим, у тебя нет зарядки в

машине? У меня телефон почти сел, пока я им мозги вправляла.

Дмитрий медленно поворачивает голову от меня к жене.

— В бардачке есть провод, — ровно отвечает он, лезет рукой в карман джинсов и кладёт на стол возле её локтя массивный чёрный брелок от внедорожника.

Светлана смотрит на ключ на столе, потом на мужа, и её брови недовольно взлетают вверх:

— То есть мне самой сейчас идти на улицу по темноте на каблуках?

Стратег: Лицо держим. Нет, не ухмыляемся. И не кривимся. Мы — профессиональный крупье.

— Машина стоит в трёх метрах от крыльца, Света, там прожектор светит как днём, — спокойно говорит Дмитрий и снова поворачивает голову к столу, где я как раз держу пальцы на колоде перед выкладкой четвёртой карты для Игоря, Максима и Кристины. — А у нас тут раздача идёт.

За столом на секунду повисает неловкая заминка: улыбка с лица Анны сходит, она быстро берёт со стола кувшин с лимонадом, а Максим прокашливается, делая вид, что страшно сосредоточен на своих фишках. Светлана поджимает губы, сгребает ключ со столешницы, так что металлический карабин глухо царапает дерево, и резко поднимается из-за стола.

Бухгалтер: Дорогущий дуб!!

— Спасибо за заботу, дорогой, — бросает она через плечо и быстрым шагом уходит обратно в прихожую; через пару

секунд хлопает тяжёлая входная дверь.

Анна тут же переводит дух и машет мне рукой:

— Валери, давай четвёртую карту, у них там банк уже тысяч на пятнадцать по фишкам!

Я выкладываю на сукно пикового короля. Дмитрий берёт свой стакан, где лёд уже почти растаял в виски, и, глядя на мою руку с колодой, негромко роняет:

— Так что там со временем на твоих часах, Валери? Сколько у нас ещё в запасе?

Психолог: И он вернулся к этому вопросу.

Женщина 30+: И мне всё больше нравится этот эксперимент..

— Со временем всё в порядке, — негромко отвечаю. — Мы только начали.

— Обнадёживает, — так же тихо отзывается Дмитрий, глядя на мои губы, и допивает остатки виски из стакана.

Женщина 30+: Он смотрит на наши губы.

Скептик: Может, испачкались?

Стратег: Я проверяла в машине — всё было нормально.

За столом Кристина долго смотрит на открытого мной пикового короля, кусает губу и с сожалением прижимает свои карты рубашкой вверх к сукну:

— Нет, с королём я бодаться не буду. Пас.

Игорь с Максимом упрямо уравнивают ставки. Я сжигаю верхнюю карту и открываю последнюю, пятую карту раздачи — бубновую даму. После чека обоих игроков доходит до

вскрытия. Максим тут же с довольной ухмылкой переворачивает свои карты, показывая короля и восьмёрку: две пары.

— Ну я так и знал! — Игорь в притворном отчаянии роняет голову на сложенные руки, а потом под хохот Дениса и Анны сам сгребает гору фишек в сторону именинника. — С днём рождения, блин. Забирай всё, кровопийца.

В прихожей снова хлопает входная дверь. Через несколько секунд в гостиную входит Светлана с белым проводом зарядки в руках. Она пристраивает телефон к розетке на торце кухонного острова, подходит к столу и с сухим стуком бросает тяжёлый брелок от внедорожника на деревянный бортик прямо перед Дмитрием.

Бухгалтер: Блядь, дуб..

— В твоём бардачке чёрт ногу сломит, — бросает она, опускаясь на свой стул. — Сплошные сметы и какие-то образцы крепежа, еле провод нащупала.

Дмитрий молча убирает ключи обратно в карман джинсов, даже не удостоив тираду ответом.

Шайба дилера переходит к Светлане. Я собираю все карты со стола, быстро перетасовываю колоду, даю подрезать и рассылаю новую раздачу. После блайндов Дениса и Кристины Максим, Анна, Игорь и Дмитрий по очереди поддерживают ставку. Ход доходит до Светланы. В этот раз она не спешит пасовать: глянув под уголки своих карт, она резким движением двигает вперёд сразу четыре фишки, повышая ставку.

— Ого, Света вернулась с боевым настроем, — оживляет-

ся Денис, но свои карты тут же отправляет в отбой. — Я пас.

Кристина сбрасывает. Максим задумчиво крутит фишку в пальцах и решает поддержать. Анна с Игорем тоже отправляют карты в отбой. Ход доходит до Дмитрия.

Он даже не заглядывает в свои карты повторно — они лежат на сукне прямо у его левого запястья. Дмитрий берёт из своей стопки две чёрные фишки самого крупного номинала и с коротким щелчком ставит их за линию, перекрывая ставку жены в два раза.

Светлана медленно поворачивает к нему голову. На её скулах проступают розовые пятна.

— Решил и здесь меня выдавить, Дима? — с натянутой улыбкой спрашивает она, отсчитывая свои фишки, чтобы уравнять банк. — Не выйдет, у меня сегодня хорошая рука.

— Я просто делаю ставку, Света, — ровно говорит Дмитрий. — В покере либо отвечают фишками, либо сбрасывают.

Максим, глянув на перепалку супругов, благоразумно двигает свои карты к моей руке:

— Не-не, в семейные разборки я со своей парой троек точно не полезу. Я пас, разбирайтесь вдвоём.

За столом сразу становится тише — Денис с Игорем переглядываются, Кристина тянется за бокалом вина. В банке остаются только Дмитрий и Светлана.

Я открываю три карты флопа: червовый туз, трефовая дама и червовая девятка.

Дмитрий коротко стучит двумя пальцами по сукну возле

моей руки: чек. Светлана тут же выдвигает в центр высокую стопку зелёных фишек и победно смотрит на мужа.

Дмитрий не смотрит ни на жену, ни на её ставку. Он чуть меняет позу на стуле — его колено под столом случайно или намеренно вплотную касается внешней стороны моей ноги, и он не убирает его, оставляя это плотное, тёплое касание сквозь ткань брюк, пока тянется рукой за своими чёрными фишками:

— Уравниваю. Валери, давай четвёртую карту.

Психолог: Замечу, что он уже второй раз говорит, что нам делать, хотя крупье здесь мы.

Стратег: Узнаю коллегу. Контролировать даже то, что не положено, — нормальная история для таких, как мы.

Психолог: Неприятно.

Женщина 30+: Мне тоже.

Психолог: Наблюдаем. Что по ноге?

Женщина 30+: А это приятно.

Стратег: Убираем?

Женщина 30+: Пожалуйста, нет..

Я не отодвигаю ногу. Снаружи по-прежнему сохраняю хладнокровие.

Под столом Дмитрий сразу чувствует, что я не убираю ногу. Он не делает резких движений, но его бедро плотнее прижимается к моей ноге от колена и выше. Сквозь тонкую ткань моих брюк и плотную джинсу отчётливо ощущается твёрдость его мышц и сухое, ровное тепло тела.

Наверху, над столешницей, мои руки двигаются всё так же ровно и размеренно. Я сжигаю верхнюю карту в отбой и выкладываю четвёртую общую карту — червовую пятёрку. На сукне теперь три червы.

Дмитрий сидит совершенно спокойно, не отводя колена от моей ноги, и коротко стучит пальцами по столу:

— Чек.

Светлана бросает быстрый взгляд на стол, затем на скромную горку оставшихся перед ней фишек. Раздражение от недавнего похода к машине и упрямство берут верх — она двумя ладонями сгребает все свои фишки и одним движением выталкивает их за линию. Красные и зелёные кружки со звоном рассыпаются по сукну.

— Ва-банк, — отрезает она, вздёрнув подбородок. — Или ты только на словах такой смелый?

Женщина 30+: Серьёзно, почему она так говорит с собственным мужем?

Психолог: Обиды, манипуляции, провокации, попытки добиться внимания. Смотрим за тем, как он реагирует на это всё.

За столом повисает тишина. Игорь перестаёт жевать, а Денис тихо присвистывает, переводя взгляд с лица Светланы на Дмитрия.

Дмитрий даже не смотрит на рассыпанные фишки жены. Он поворачивает голову ко мне — его тёмные глаза встречаются с моими на долю секунды, — и под столом его колено

ощутимо, с нажимом давит в мою ногу.

Психолог: Реакция неоднозначная..

— Уравниваю, — спокойно произносит он и выставляет вперёд ровный столбик чёрных фишек. — Вскрываемся после пятой, Валери.

Светлана первой переворачивает свои карты лицевой стороной вверх, с вызовом бросая их к центру: бубновый туз и пиковый валет. Старшая пара тузов с флопа.

— Ну что? — с торжествующей ноткой спрашивает она.

Дмитрий неторопливо берёт свои две карты за уголки и переворачивает их на сукне прямо возле моей ладони: червовый король и червовая десятка. Флеш со старшим тузом уже на четвёртой карте — пятая карта с колоды даже не способна ничего изменить.

Женщина 30+: Сердечки..

Я тем не менее по всем правилам сжигаю карту, открываю на ривере ничего не решающую трефовую двойку и ровным движением сдвигаю весь банк в сторону Дмитрия.

Лицо Светланы мгновенно каменеет. Розовые пятна на скулах темнеют; она секунду смотрит на пустое место перед собой, где только что лежали её фишки, а потом с шумом отодвигает стул и встаёт.

— Отличная игра, Дима. Очень по-джентльменски, — процеживает она сквозь зубы.

— Свет, ну ты чего, давай я тебе половину своих фишек отсыплю, у меня их куча! — тут же встревает Анна, припод-

нимаясь со своего места. — Это же просто первая партия!

— Спасибо, Аня, я в эти игры наигралась, — сухо обрывает её Светлана, забирая со стола бокал с остатками шампанского. — Пойду лучше наверх, прилягу в гостевой, у меня от этого шума и дыма с террасы голова раскалывается.

Она разворачивается и, чеканя шаг каблуками по деревянному полу, направляется к лестнице на второй этаж.

Психолог: Если не учитывать тот факт, как плотно он трётся к нам под столом, его поведение вполне спокойное.. Даже в ответ на её провокации. Фиксирую выдержку против негативных манипуляций.

За столом все переглядываются. Максим виновато кашляет в кулак, берёт со стола опустевшую доску из-под мяса и поднимается:

— Так, народ, объявляется пятиминутный пит-стоп! Сейчас мы с Игорем принесём с гриля вторую партию рёбрышек и свежий лёд, а то стаканы у всех пустые. Кристин, Денис, вам какого вина открыть — того же сухого?

— Давай, и воды захватите! — отзывается Денис, разминая затёкшую шею, и тянется за телефоном. Анна спешит на кухню за чистыми тарелками, а Игорь с Максимом уходят через стеклянную дверь на террасу к грилю. Кристина с Денисом на другом конце стола склоняются над экраном одного смартфона, вполголоса обсуждая какое-то видео в чате.

Дмитрий не идёт ни за женой, ни к грилю. Он берёт со стола свой пустой стакан, поднимается со стула и останав-

ливается буквально в полушаге за моим левым плечом. Наклоняется чуть ниже — якобы чтобы дотянуться через край стола за салфеткой возле моего кейса, — так что его плечо почти вплотную касается моего, и тихо говорит прямо у моего уха:

— Я сейчас на кухню за льдом. Скажи мне, что тебе тоже нужна вода.

Мой стакан с лимоном у края кейса пуст ещё с середины раздачи. Дмитрий не ждёт ответа вслух — просто захватывает пальцами ободок моего стакана вместе со своим и уже обычным, ровным тоном, который легко услышат за столом, произносит:

— Пойдём, покажу, где тут нормальная холодная вода, пока у всех перерыв.

Скептик: Нормальная? Серьёзно, он сказал «нормальная»?

Женщина 30+: Да плывёт он, зуб даю.

Я выхожу из-за стола следом за ним. Денис с Кристиной даже не поднимают голов от телефона, споря над каким-то роликом, а мы заворачиваем за широкую стену-перегородку, которая отделяет парадную часть гостиной от глубокой Г-образной кухни.

У посудомоечной машины Анна как раз набирает в руки стопку больших керамических тарелок и прихватывает миску с соусом. Увидев нас, она торопливо кивает подбородком вглубь кухни, где в нише стоит высокий двухстворчатый хо-

лодильник:

— О, Дим, лёд в левой дверце, а вода без газа на верхней полке! Валери, ты, если проголодалась, — там на столешнице тарталетки и нарезка, бери обязательно, не стесняйся. Я сейчас к мальчишкам на воздух, а то они там половину рёбрышек съедят прямо с решётки.

Анна боком протискивается мимо нас, толкает бедром дверь на террасу и выходит на улицу, плотно прикрывая за собой стеклянную створку.

В нише у холодильника сразу становится тихо — сюда не добивает ни запах дыма с улицы, ни голоса Дениса с Кристиной из-за капитальной перегородки. Видно только край каменной столешницы и приглушённый тёплый свет встроенных спотов под шкафами.

Дмитрий ставит оба стакана на столешницу, но к дверце холодильника даже не поворачивается. Он делает шаг ко мне — так, что я оказываюсь между ним и краем кухонного стола, — и упирается ладонью в камень совсем рядом с моим бедром.

Женщина 30+: Он близко. Он очень близко. И смотрит прямо на нас..

Стратег: Держимся. Никаких внешних проявлений симпатии. Мы всё ещё на работе.

Вблизи, без разделяющего нас стола, он кажется ещё выше и шире в плечах. Его взгляд скользит по моему лицу и задерживается на губах.

— За столом ты держалась отлично, — тихо говорит он. — Даже когда не убрала ногу. Я весь последний круг смотрел не на карты, а на то, дрогнет у тебя рука при раздаче или нет. Не дрогнула.

Он свободной рукой открывает дверцу холодильника, достаёт стеклянную бутылку воды, но крышку откручивать не спешит — смотрит на меня в упор:

— Скажи честно, Валери. Ты просто настолько вышколенный крупье и терпишь наглость клиента по работе, или ты не отодвинулась, потому что сама этого не хотела?

Женщина 30+: Не хотела. Да. Не хотела!

Скептик: Если мы сейчас прогнёмся или дадим слабину, мы потеряем лицо.

Женщина 30+: Но врать ему не хочу!

Стратег: Спокойно. Он всего лишь хочет убедиться, что он нам нравится.

Скептик: Но мы ему этого не скажем.

Стратег: Именно.

Я чуть приподнимаю бровь:

— Хорошая выдержка: умею держать эмоции под контролем.

Металлическая крышка на горлышке стеклянной бутылки с сухим треском срывается с резьбы под его пальцами. Он подаётся на полшага ближе, когда я спокойно добавляю:

— В отличие от твоей жены.

Психолог: Раунд.

На долю секунды Дмитрий замирает. Его взгляд снова скользит по моим губам и возвращается к глазам. Уголки его рта расходятся в медленную, опасную полуулыбку.

Он ставит открытую бутылку на камень и упирается второй ладонью в край столешницы по другую сторону от моего бедра — не прикасаясь ко мне корпусом, но полностью замыкая пространство вокруг меня в узкой нише.

Женщина 30+: Боже, как он близко. И как пахнет!

— Значит, эмоции, которые приходится держать под контролем, всё-таки есть, — низко, почти в самое ухо произносит он, наклоняясь к моему лицу. — И на «ты» звучит куда честнее, Валери. А моя жена сегодня в этой игре больше не участвует. Ни за тем столом, ни здесь.

Психолог: Это заявление. Мы в жопе.

Стратег: Ага. Есть предложения?

Женщина 30+: Моё мнение вы знаете.

Психолог: Не вижу моральной дилеммы для нас — это его выбор.

Стратег: Снимаю блокировку.

Женщина 30+: Ура-а-а!

За стеклянной дверью террасы раздаётся громкий смех Игоря и стук стальной крышки гриля — мужчины на улице снимают мясо с огня и направляются к входу.

Дмитрий не отстраняется в спешке и не одёргивает рук. Он спокойно берёт бутылку, наливает холодную воду в мой стакан, а затем закидывает пару кубиков льда в свой. Подаёт

стакан мне — причём держит его пальцами за самую середину стекла, не оставляя места сверху, так что, забирая воду, я неизбежно накрою ладонью его пальцы.

Когда я накрываю его пальцы своими и подношу стакан к губам, Дмитрий не сразу разжимает ладонь — секунду ведёт стакан вверх вместе с моей рукой, ощутимо прижимаясь подушечкой большого пальца к костяшке моего указательного.

Я делаю глоток холодной воды, глядя ему прямо в глаза поверх стеклянного края. Его взгляд на мгновение опускается к моим губам и к тому, как двигается горло под жемчужным воротником, а затем возвращается к глазам. Дыхание у него становится глубже и тяжелее. Я опускаю стакан.

— Поняла, — говорю, не отводя взгляда.

Его пальцы медленно, с лёгким нажимом скользят с мокрого стекла по моему запястью, задевая ремешок часов, прежде чем опустить руку.

— Вот и отлично, — глухо произносит он.

За спиной с шумом отъезжает стеклянная створка террасы — в кухню врывается прохладный уличный воздух и густой аромат копчёных рёбрышек в глазури. Первым входит Максим с огромным металлическим противнем в прихватках, за ним — Игорь с рулоном бумажных полотенец под мышкой и Анна.

— О, вы ещё здесь, а я думала, лёд в доме кончился! — на ходу бросает Анна, хватая с сушилки чистые щипцы для мяса. — Дим, захвати, пожалуйста, с острова салфетки и со-

усник, сейчас будем кормить голодных игроков.

Дмитрий без малейшей суеты отступает от столешницы на шаг, давая мне свободный проход, наливает себе виски поверх льда и второй рукой подхватывает керамический соусник с пачкой салфеток.

Когда мы возвращаемся в гостиную, вокруг стола уже кипит движение: Максим водружает блюдо с рёбрышками в центр рядом с сукном, а Денис разливает по бокалам новую бутылку красного сухого.

— А Света всё, окончательно пас? — спрашивает Денис, косясь на пустующий стул слева от Дмитрия.

— У неё болит голова, прилегла наверху, — ровно отвечает Дмитрий, ставя соусник на стол и опускаясь на своё место рядом со мной. — Играем вшестером.

Он отодвигает пустой стул жены чуть дальше к стене, освобождая пространство слева, а сам разворачивает свой стул ещё немного в мою сторону и сразу выдвигает на сукно фишку малого блайнда. Под столом его нога снова находит мою — в этот раз он даже не маскирует движение под случайность, спокойно устраивая ступню рядом с моей и прижимаясь коленом к моему бедру.

Женщина 30+: Считаю этот день лучшим за последний месяц!

Скептик: Боже, хватит. Мы его совсем не знаем.

Психолог: По первоначальному анализу шансы, что он окажется адекватным.. не очень высокие.

Стратег: Разберёмся.

Игорь, уже успевший ухватить самое крупное ребро с краю блюда, вытирает пальцы бумажным полотенцем и азартно кивает на колоду в моих руках:

— Ну всё, подкрепились, теперь можно и отыгрываться. Макс, готовься возвращать награбленное!

Стоит мне чуть отпустить строгий тон и вставить пару ироничных комментариев к тому, как Игорь со страдальческим лицом пытается изобразить плохую карту, как атмосфера за столом окончательно меняется. Без напряжённого молчания Светланы компания выдыхает: смех звучит громче, бокалы пустеют быстрее, а сам турнир превращается в живую, азартную схватку.

Когда я с лёгкой улыбкой объявляю очередную ставку Дениса «заявкой на Оскар за лучшую драматическую паузу», Кристина смеётся в голос, а Игорь с уважением качает головой:

— Валери, ты нас просто как рентгеном светишь! Я тут сижу, бровями работаю, пот со лба вытираю, а она одним комментарием всю мою контору спалила!

— Ты бы ещё карты лбом к себе приклеил, конспиратор, — фыркает Максим, двигая фишки в центр.

Дмитрий за этой переменой во мне наблюдает безотрывно. Он наблюдает, как меняются мои интонации, когда я подшучиваю над игроками, и как живее двигаются плечи и руки над сукном.

— Слушай, Ань, — воодушевлённо говорит Игорь, пока я собираю и тасую колоду для новой раздачи, и тут же поворачивается ко мне, подаваясь грудью на стол. — Валери, а у тебя на конец месяца пятницы ещё не все расписаны? Мы своим отделом собираемся за городом, я бы тебя с руками оторвал к нам на вечер! Дашь контакт после игры?

Я спокойно продолжаю тасовать карты и отвечаю в привычной рабочей манере:

— Нужно посмотреть точную дату, Анна даст мой контакт.

— Конечно, Игорёк, я тебе в телеграм прямо сейчас ссылку на её рабочую страницу скину! — охотно отзывается Анна, потянувшись за своим телефоном.

Дмитрий за всё это время не произносит ни слова, но я буквально чувствую его внезапное напряжение. Когда Игорь на фразе «с руками оторвал» широко улыбается мне, желваки на скулах Дмитрия каменеют, а взгляд, которым он буравит приятеля, становится тяжёлым и немигающим.

Я заканчиваю тасовать, игроки выставляют блайнды, и я раздаю карты. Когда очередь доходит до Дмитрия, он левой рукой берёт высокую стопку чёрных фишек и с глухим стуком ставит её за линию. Звук заставляет Игоря сразу перевести взгляд с моего лица обратно на стол:

— Ого. Ладно-ладно, понял, не отвлекаюсь, смотрю в банк! — бормочет Игорь, торопливо отсчитывая свои фишки, и тут же ввязывается в спор с Денисом о том, кто сколько

уже поставил.

В ту же секунду, пока все смотрят на центр сукна, правая рука Дмитрия опускается под стол. Его широкая горячая ладонь без малейших колебаний ложится прямо поверх моего левого колена, плотно и собственнически обхватывая его сквозь ткань брюк. Большой палец медленно, с ощутимым нажимом проводит по внутренней стороне моей ноги чуть выше сгиба, уводя моё внимание от остальных обратно к нему. Он наклоняется ко мне и совсем тихо говорит:

— Мне в открытую можно даже не сдавать, Валери. Я сегодня уже знаю, зачем сюда приехал.

Его рука на моей ноге слегка напрягает меня, но я не подаю вида.

Психолог: У нас тут интересный экземпляр. Мой прогноз: будет допрашивать насчёт каждого заказа и выезда. Жить спокойно не даст. Ревнивый, собственник. При этом с живой женой. Что у них там в отношениях творится — даже предполагать не буду. Я бы не рекомендовала.

Женщина 30+: Ну можно просто потрахаться.

Психолог (вздыхает): Увы, с такими типами «просто потрахаться» чревато осложнениями.

Стратег: Спасибо за мнения, думаю, рано делать выводы и ставить крест. Посмотрим, что будет дальше.

— У кого-то проблемы с ревностью? — негромко спрашиваю я, так что слышит только он.

Под столом его пальцы на моём колене сжимаются чуть

плотнее. Большой палец медленно очерчивает полукруг по ткани брюк с внутренней стороны ноги, поднимаясь выше сгиба.

— С ревностью у меня полный порядок, — так же тихо, почти одними губами отвечает он. — Я просто не люблю, когда тебя отвлекают от меня.

Психолог: Он уже нас присвоил..

Стратег: У меня заканчиваются оправдательные пункты для этого мужчины.

Скептик: Я такой список даже не заводила.

Психолог: Ну, вы услышали меня. Я возражаю. Хлебнём с ним.

Женщина 30+: А звучит приятно..

В следующие полчаса за столом разворачивается настоящее шоу, и я дирижирую им легко и с иронией. Когда Денис под шумок пытается заглянуть в карты Кристины, я с невозмутимым видом объявляю, что за промышленный шпионаж внутри семьи полагается штраф в пользу казино, чем вызываю взрыв хохота на всём правом фланге.

При этом Дмитрий за сукном устраивает Игорю показательную, методичную осаду. Стоит тому войти в раздачу и попытаться пошутить в мою сторону, как Дмитрий тут же перебивает его ставку тяжёлыми чёрными фишками — спокойно, расчётливо, загоняя приятеля в угол на каждом круге.

Пока я объявляю выход четвёртой карты и веду подсчёт банка, горячая ладонь Дмитрия под столом не уходит — на-

оборот, скользит чуть выше по моему бедру, плотно прижимая ткань брюк к коже. Он специально делает это в ту самую секунду, когда я говорю вслух для всего стола, и внимательно следит за моим лицом, проверяя, собьётся ли у меня дыхание на середине фразы.

Я договариваю без единой запинки и, когда поворачиваю голову к его сектору, встречаюсь с его потемневшим, пристальным взглядом: эта двойная игра — моя безупречная выдержка на виду у всех и то, что я позволяю его руке оставаться на своём бедре, — кажется, заводит его.

Наконец на очередной раздаче Игорь в отчаянии двигает в центр свои последние фишки, Дмитрий мгновенно уравнивает. Я докладываю общие карты до пяти, и на вскрытии он переворачивает пару валетов: третий лежит на столе.

— Да ну тебя нафиг, Дим! — Со смехом вскидывает руки Игорь и откидывается на спинку стула. — Ты меня последние двадцать минут просто целенаправленно закатывал в асфальт! Всё, я официально банкрот, выхожу из игры. Макс, где у тебя там табак для кальяна лежал? Пойду на террасу угли поставлю, пока вы тут миллионы делите.

— В шкафчике над микроволновкой, — отзывается Анна, пересчитывая свои фишки. — И мне чаю поставь, пожалуйста, Игорёк!

— Я сейчас тоже к тебе присоединюсь, у меня две фишки осталось, — смеётся Денис и придвигает к себе свой скромный остаток.

Дмитрий убирает руку с моего бедра только тогда, когда чуть подаётся вперёд, чтобы сгрести выигранный у Игоря банк к себе. Он не складывает фишки в стопки — оставляет их россыпью на краю сукна, кладёт правое предплечье на деревянный бортик вплотную к моему локтю и, пока Игорь уходит греметь кальянной колбой на кухню, а Денис с Кристиной спорят с Максимом над последними ставками, негромко роняет в мою сторону:

— Одного разговорчивого мы уже отправили делать кальян. Осталось добить банк именинника, и этот стол можно закрывать.

Ага, сам заговорил про завершение вечера. И что же он предполагает делать дальше, очень мне интересно?

— А что потом?.. — негромко спрашиваю я, внимательно глядя на него.

Дмитрий встречает мой взгляд. В его глазах отражается тёплый свет люстры над столом.

— А потом у тебя закончится рабочая смена, — тихо отвечает он. — Ты уберёшь колоду в кейс, и между нами больше не будет ни стола, ни шести человек, ради которых нужно делать невозмутимое лицо.

Психолог: Меня всё ещё смущает, как равнодушно он относится к наличию жены.

Скептик: Должна признать, я его в чём-то понимаю. Давайте начистоту — мы не знаем, что у него там дома происходит. Она манипулирует, он равнодушен. Может, у них от

брака одно название? Предлагаю — раз уж ввязались, не отступать.

Стратег: Отступать никто не планировал. Это Психолог на панике.

Психолог: Я не «на панике». У меня просто все лампочки мигают красным. Сплошной «редфлаг». А мы с «редфлагами» не связываемся.

Стратег: Скажи это трём нашим бывшим.

Психолог: Это другое..

Женщина 30+: Вы не можете отрицать, что у нас уже намокли трусики от него. Факт? Факт. Всё остальное — лирика.

Перед последней раздачей оставшиеся игроки договариваются поставить вслепую и открыть карты сразу после сдачи.

На правом краю стола Денис с весёлым вздохом толкает в центр свои последние две красные фишки:

— Всё, гулять так гулять! Иду ва-банк на все двести рублей, если перевести по курсу. Кристин, отомсти за мужа, если меня сейчас добьют!

— Да у меня самой тут не густо, — смеётся Кристина и тоже сдвигает всю свою стопку за линию. — Макс, Аня, давайте уже финальную раздачу на все фишки, а то у Игоря там сейчас угли на кальяне прогорят!

За стеклянной дверью террасы действительно маячит Игорь в накинутой на плечи куртке: он стоит над красными

углями для кальянной чашки и активно машет рукой, зовя остальных на воздух.

— Поддерживаю. — Кивает Максим и широким жестом выдвигает вперёд весь свой банк, выигранный за вечер. — Давай, Дим, решающий раунд против именинника! Аня вон уже тоже носом клюёт.

— Я не клюю, я просто объелась твоих рёбрышек. — Улыбается Анна, подвигая свои фишки к линии ставок. — Валери, раздавай нам последнюю, самую красивую!

Дмитрий сдвигает к линии достаточно фишек, чтобы покрыть ставки остальных, и поворачивает голову обратно ко мне. Его правая кисть ложится на край деревянного бортика совсем рядом с моей рукой, сжимающей колоду:

— Слышала заказчиков, Валери? Все хотят закончить побыстрее. Раздашь в открытую?

— Давайте посмотрим, кто сегодня поймает удачу за хвост.

Я учитываю основной и побочные банки: каждый игрок претендует только на те, в которые внёс фишки.

Под одобрительный гул за столом я разворачиваю колоду и начинаю раскладывать карты сразу рубашкой вниз. Каждая пара падает на зелёное сукно на виду у всех: Денису достаются разномастные девятка и четвёрка, Кристине — дама с пятёркой, Анне — две восьмёрки. Перед Максимом ложатся бубновый туз и валет, а в сектор Дмитрия скользят два короля — червовый и трефовый.

— Да ладно! — Всплескивает руками Денис. — У него даже в открытую короли заходят! Валери, ты точно ему не подыгрываешь?

— Всё на ваших глазах, руки на столе. — Я сжигаю верхнюю карту в отбой и выкладываю три карты флопа: пиковый туз, бубновая десятка и трефовая двойка.

Максим победно бьёт кулаком по подлокотнику стула:

— Есть туз! Старшая пара у именинника, Димка, подвинься со своими королями!

— Сейчас ещё дама выйдет, и вообще я всё заберу, — смеётся Кристина, подаваясь вперёд над сукном.

Четвёртой картой на стол ложится червовая шестёрка — расклад не меняется, пара тузов Максима по-прежнему старше. Денис с Анной хором отсчитывают секунды, пока мои пальцы сдвигают в отбой ещё одну карту и переворачивают последнюю, пятую.

На зелёное сукно ложится пиковый король.

Секундная тишина за столом взрывается дружным стоном и смехом. Максим откидывается на спинку стула и, хохоча, поднимается, подходит к Дмитрию и хлопает его по плечу:

— Ну кто бы сомневался! Против тебя, Дим, даже в собственный день рождения попереть невозможно — последним вагоном третьего короля вытащил!

Я подвожу итог партии, объявляя тройку королей старшей комбинацией стола, и символично сдвигаю разноцветную гору фишек к сектору Дмитрия.

— Ладно, разгромил нас всухую, поздравляю, — Денис со смехом поднимается из-за стола, потягиваясь до хруста в плечах, и подаёт руку жене. — Пошли к Игорю на террасу, пока он там весь кальян один не выкурил.

— Сейчас, я только пледы с дивана захвачу, на улице уже свежо, — отзывается Кристина, направляясь к каминной зоне.

Дмитрий даже не трогает выигранную гору фишек. Он берёт с деревянного бортика наличные, которые выкладывал в начале игры, прикладывает их к стопке купюр общего банка на краю стола и лёгким движением пальцев сдвигает всё в сторону Максима:

— Считай, реванш на следующий год уже оплачен, Макс. Иди к гостям, тебя там с кальяном ждут.

— От души, Дим! — Ухмыляется именинник, забирая со стола бокал с вином. — Ань, ты рассчитаешься с Валери? Мы на воздух!

Анна кивает мужу, оставаясь сидеть напротив меня, и тянется к своему телефону, лежащему возле бокала:

— Валери, спасибо тебе огромное, это было просто огненно! Ребята в восторге, мы давно так не смеялись. Давай я тебе прямо сейчас вторую часть оплаты переведу — тебе на тот же номер, куда предоплату кидала?

— Ага, туда же. Мне с вами тоже очень понравилось, вы отличная компания. Сейчас я всё соберу и освобожу вам стол.

Я придвигаю к себе открытый кейс и начинаю размеренно сортировать фишки.

Анна несколько раз быстро касается экрана смартфона, проводит пальцем вверх и поднимает взгляд:

— Отправила, лови! И если вдруг надумаешь чай или кофе на дорожку, или рёбрышек с собой завернуть — на кухне всё на столе, вообще не стесняйся.

Часы на моём запястье коротко отзываются лёгкой вибрацией. Анна поднимается со стула, по пути собирает с дальнего края стола забытые гостями лакированные памятки и протягивает их мне. Затем косится на Дмитрия, который даже не думает вставать со своего места:

— Дим, ты к нам на воздух пойдёшь? Я сейчас ребятам чай вынесу.

— Иди, Ань, я через пару минут подойду, — спокойно отвечает он.

Анна кивает, скрывается за перегородкой кухни, откуда через несколько секунд выходит с большим деревянным подносом, заставленным чашками и пузатым заварочным чайником. Стеклянная дверь террасы с мягким шелестом отъезжает в сторону и снова плотно смыкается, отсекая уличные голоса и смех. За панорамным стеклом в полумраке двора виднеются только силуэты в глубоких плетёных креслах и густые клубы кальянного дыма.

В большой гостиной становится тихо — слышно лишь, как негромко пощёлкивают друг о друга керамические фиш-

ки под моими руками, когда я разбираю общую кучу по цветам и укладываю их ровными рядами в мягкие поролоновые ячейки алюминиевого кейса.

Дмитрий не тянется ни за телефоном, ни за стаканом. Он придвигает к себе часть рассыпанного в центре банка и начинает собирать тяжёлые чёрные и зелёные фишки в аккуратные стопки по десять штук — ровно под размер отсеков моего чемоданчика.

Мысленно отмечаю, что он не просто стал ждать, пока я соберусь, а помогает.

Психолог: Ну, маленький плюсик внесу, окей.

Он поднимается со стула, но не отходит, а встаёт вплотную ко мне с левой стороны, опираясь бедром о край стола. Берёт собранный столбик чёрных фишек и сам опускает его прямо в свободную ячейку моего кейса — его рука при этом проходит вплотную к моей, задевая внутреннюю сторону моего предплечья тёплой кожей.

— Не спеши так освобождать стол, — негромко произносит он, глядя сверху вниз на мои ресницы и то, как двигаются мои руки над открытым кейсом. — Чай они там будут пить ещё минимум полчаса. А ты за весь вечер так ничего и не поела, только воду пила.

Он берёт со сукна вторую стопку зелёных фишек, но в ячейку её не кладёт — удерживает на весу прямо над моей ладонью, вынуждая меня либо подставить пальцы, либо поднять на него глаза:

— И мне не нравится мысль, что ты сейчас закроешь эти замки, сядешь в машину и просто уедешь.

Психолог: Он умеет говорить через «я-сообщение». Надежда есть.

Женщина 30+: Конечно, есть! Я чувствовала!

Я забираю стопку зелёных фишек прямо из его ладони, укладываю её в последнюю свободную ячейку и опускаю крышку кейса. Металлические замки сухо щёлкают под пальцами.

Дмитрий не отходит: пока я сворачиваю плотное сукно в рулон и убираю его в тубус, он перехватывает тяжёлый алюминиевый чемоданчик за ручку и легко снимает его со стола.

— Пошли, — коротко говорит он. — Донесу до машины.

Мы выходим из гостиной в просторную прихожую. Из-за закрытой двери террасы сюда почти не долетают голоса гостей — слышно только тихое гудение вентиляции. Я закидываю ремень тубуса на плечо, достаю из гардеробной ниши свою верхнюю одежду и надеваю её, поправляя воротник и выправляя собранные в низкий хвост волосы.

Дмитрий стоит в полушаге позади с моим кейсом в руке, наблюдая в зеркало шкафа за каждым моим движением. Когда я тянусь к ручке входной двери, сверху, с деревянной лестницы, раздаются быстрые шаги.

Светлана спускается с последнего пролёта, на ходу застёгивая ремешок маленькой сумочки через плечо. Она сворачивает к торцу кухонного острова, сдёргивает свой телефон

с белого провода зарядки, поворачивает голову к прихожей — и замирает на месте, видя меня в верхней одежде у двери и Дмитрия рядом с моим чемоданчиком в руке.

Несколько секунд она переводит взгляд с его лица на кейс, затем на меня. Губы у неё кривятся в колючей, злой усмешке. Она делает три быстрых шага в прихожую:

— Дима, ты теперь у нас и в носильщики к наёмному персоналу записался? — громко и ядовито произносит она, сжимая телефон в пальцах. — Девушке уже перевели деньги за работу, до калитки она как-нибудь сама дойдёт.

Стратег: Не закатываем глаза. Пусть говорит что угодно. Уходим достойно. И молча.

Дмитрий поворачивает к ней голову. На его лице не дрогнул ни один мускул, но взгляд становится таким тяжёлым и ледяным, что Светлана невольно осекается на полуслове.

— Следи за языком, Света, — тихо и жёстко отрезает он. — И можешь возвращаться наверх.

На щеках Светланы вспыхивают красные пятна. Она делает шаг вперёд, повышая голос:

— Ты в своём уме вообще?! Ты весь вечер пялился на неё через стол при всех наших друзьях, а теперь бежишь следом с чемоданчиком?! Если ты сейчас выйдешь с ней за эту дверь, я вызываю такси и уезжаю домой одна, понял?!

— Вызывай, — абсолютно спокойно отвечает Дмитрий, даже не меняя интонации. — Водитель довезёт быстрее. Меня сегодня не жди.

Женщина 30+: «Меня сегодня не жди». Вы слышали? Мне же не послышалось?!

Психолог: Это вполне в его духе..

Стратег: Уходим.

Он больше не смотрит на жену — нажимает на массивную ручку входной двери, распахивает её передо мной, пропуская на крыльцо, и выходит следом, плотно прикрывая за собой створку прямо перед лицом остолбеневшей Светланы.

На улице свежо, ноябрьский воздух пахнет хвоей и остывающей брусчаткой. Свет прожектора у крыльца падает на мощёную площадку, а дальше, за широким корпусом его чёрного внедорожника, где припаркован мой Polo, лежит густая тень.

Я снимаю машину с сигнализации — фары коротко мигают в полумраке. Дмитрий открывает заднюю дверцу моего автомобиля, аккуратно ставит тяжёлый кейс на пол за водительским сиденьем, забирает с моего плеча тубус с сукном и укладывает его рядом.

Захлопнув заднюю дверь, он не отходит. Выпрямляется во весь рост и делает шаг ко мне, останавливаясь вплотную.

Он кладёт ладонь на крышу моей машины прямо у моего плеча, отсекая путь к водительской двери, и смотрит на меня сверху вниз:

— Ну что, Валери? Смену ты закрыла, с моей женой мы вопрос тоже закрыли. Куда ты теперь так торопишься?

Психолог: Он давит.

Женщина 30+: Мне некомфортно.

Стратег: Знаю. Но он не знает нас. Он думает, что с нами нормально так говорить. Это вопрос коммуникации.

Психолог: Смотрите. Мы можем дать ему шанс, посмотреть, какой он, когда не приходится держать лицо перед друзьями, которые знают, что у него есть жена.

Я решаю не утаивать внутреннее напряжение и прямо сказать ему об этом.

— Знаешь.. Я ещё не решила до конца, пугаешь ты меня или нравишься.

— Одно другому не мешает, — тихо говорит он.

Глава 2. Первая ночь

Он сокращает последние полшага между нами. Холодный вечерний воздух тут же сменяется плотным теплом его тела и терпким запахом древесного парфюма. Дмитрий не хватает меня и не прижимает силой к дверце — он поднимает вторую руку и тыльной стороной пальцев медленно, почти невесомо проводит по моей щеке от скулы к линии челюсти, проверяя, отшатнусь я или нет.

Пальцы у него тёплые и сухие; большой палец останавливается у самого уголка моих губ, едва ощутимо касаясь кожи. Несмотря на его напор, его прикосновение приятное и нежное, отзывается во мне теплом.

— Бояться меня тебе точно не за чем, — произносит он низко, наклоняясь так близко, что его дыхание согревает моё лицо. — Я ни разу за этот вечер не сделал ничего, от чего ты захотела бы отодвинуться. Ни за столом, ни на кухне.

Его ладонь со щеки скользит чуть дальше — ложится мне на шею сбоку, прямо над воротником верхней одежды, большой палец замирает на жилке пульса под челюстью, ощущая, как она бьётся под кожей.

— А с остальным определиться проще простого, — шепчет он, глядя на мои губы. — Не уезжай прямо сейчас. Поехали со мной в город, выпьем нормального кофе или поужинаем там, где никто не считает чужие фишки. Без всяких

обязательств — захочешь уехать к себе, скажешь.

— Надеюсь, ты не собираешься сам садиться за руль после виски?

— Я выпил всего один стакан, понемногу. Но ты права: за руль после виски я не сяду.

Его большой палец на моей шее медленно проводит вдоль линии челюсти к подбородку.

Он наклоняется ещё чуть ближе, глядя прямо в мои глаза:

— Я ещё после первой раздачи понял, что напиваться сегодня точно не собираюсь. Голова у меня совершенно трезвая, Валери. Единственное, от чего её сейчас реально ведёт — это ты.

Моё сердце делает кульбит.

Внезапно со стороны крыльца раздаётся короткий щелчок дверного замка и стук каблуков по ступеням — Светлана выходит из дома, уткнувшись в экран смартфона, и быстрым шагом направляется в противоположную сторону, к освещённым въездным воротам посёлка, где уже мигает аварийкой подъехавшее жёлтое такси. В нашу сторону, в густую тень между двумя машинами, она даже не оборачивается.

Дмитрий не убирает ладонь с моей шеи — только чуть поворачивает голову, провожая взглядом хлопок дверцы уезжающего за ворота такси. Большой палец с лёгким, тёплым нажимом касается моей нижней губы.

— Моя машина останется здесь, у Максима во дворе, заберу завтра, — тихо говорит он, кивая на водительскую двер-

цу моего Polo. — Если, конечно, ты не против пустить меня на пассажирское сиденье и довезти до города.

Психолог: Ладно, наедине он довольно приятный.

Женщина 30+: И тёплый. И пальцы нежные.

Стратег: И я не чувствую причин, по которым мы должны отказать.

Скептик: В общем, подводим итог: у нас нет причин сейчас ему отказывать. Кроме кольца на пальце. Но, как уже сказала наша уважаемая Психолог, это его выбор.

Весь вечер я чувствовала себя сжатой пружиной. Сейчас мне уже комфортнее с ним. Волк в овечьей шкуре? Ну, у него определённо никуда не денутся собственнические замашки. Но вот то, что меня к нему тянет, — это точно.

Я долго смотрю ему в глаза. Дмитрий не торопит — только его ладонь на моей шее остаётся неподвижной и тёплой.

Женщина 30+: Пока он позвал нас только поесть.

Наконец я выдыхаю.

— Хорошо... Поехали, я и правда хочу поесть.

Уголки его губ едва заметно приподнимаются.

Он медленно проводит большим пальцем по моей скуле, опускает руку к ручке водительской двери и тянет её на себя, открывая передо мной салон:

— Садись, заводи. Я только накину что-нибудь из своей машины.

Я опускаюсь на водительское кресло и запускаю двигатель. Пока прогревается мотор и загорается приборная па-

нель, Дмитрий коротко снимает с охраны свой огромный внедорожник, берёт с заднего сиденья тёмное кашемировое полупальто, надевает его, снова блокирует двери и через несколько секунд открывает пассажирскую дверцу моего Polo.

Он садится рядом и закрывает за собой дверцу.

В компактном салоне моего хэтчбека Дмитрий в своём дорогом пальто кажется непривычно крупным. Его колени тут же упираются в бардачок; он с лёгким удивлением смотрит на простое пластиковое торпедо, нащупывает внизу металлическую скобу и с глухим щелчком откатывает сиденье по салазкам до самого упора назад, чтобы вытянуть ноги.

Психолог: А его эго сюда вообще не поместилось бы.

Воздух внутри сразу наполняется запахом его дорогого древесного парфюма и вечерней прохлады.

Я пристёгиваюсь; Дмитрий тоже тянется к ремню.

Я сдаю назад, разворачиваюсь на мощёной площадке и выезжаю за ворота посёлка на гладкую асфальтированную дорогу к шоссе.

Дмитрий достаёт из кармана телефон, быстро что-то печатает, переворачивает смартфон экраном вниз и убирает обратно. Затем поворачивается ко мне вполоборота, укладывая левую руку на узкий подлокотник между сиденьями — совсем рядом с моим локтем и рычагом коробки передач.

— Выходи на шоссе в сторону центра, — спокойно говорит он, разглядывая мой профиль в мелькающем свете до-

рожных фонарей. — На въезде в город есть небольшое итальянское заведение моего приятеля Марко. Он сам делает пасту, в том числе с трюфелем, и ризотто. Как ты относишься к итальянской кухне?

Скептик: Трюфель и ризотто, слышали? Нет, я, конечно, ничего не имею против ризотто. Но эти замашки богатых снобов — звучат как клише.

— Конечно, с трюфелем. — Я чуть иронично улыбаюсь. — Я бы предпочла что-нибудь мясное. Стейк, картофель..

Моя ироничная интонация заставляет его повернуть голову и внимательно присмотреться к моей улыбке.

На секунду на его лице отражается лёгкое озадаченное выражение человека, в чьём кругу, очевидно, женщины при слове «трюфель» обычно томно кивают, а потом заказывают листик рукколы и бокал розе. Но уже в следующее мгновение в его тёмных глазах появляется искренний, живой интерес.

— Стейк и картофель, — повторяет он с едва заметной усмешкой в уголке рта. — Без всяких трюфелей. Значит, у Марко на кухне сегодня отменяются сложные соусы — скажу ему лично, чтобы просто поджарил нам два нормальных куска мяса и нарезал картошки. С этим он точно справится не хуже, чем с ризотто.

И вот ещё один плюсик ему в копилку рейтинга. Если так и дальше пойдёт — глядишь, и шансы будут.

Я вывожу машину на широкую освещённую полосу заго-

родного шоссе. В салоне становится тепло от печки; Дмитрий расстёгивает пуговицы своего полупальто, откидывается спиной на невысокую спинку сиденья и опускает взгляд на центральную консоль, где светится экран магнитолы с подключённым телефоном.

Его левая рука сдвигается по узкому подлокотнику чуть вперёд, ложась совсем близко от моего бедра.

— А музыку в своей машине ты при пассажирах специально не включаешь? — спрашивает он, переводя взгляд с экрана на моё лицо. — Или боишься напугать меня своим плейлистом?

Я усмехаюсь и включаю музыку.

— Не боюсь. Просто, возможно, это не то, к чему ты привык. Дай угадаю — джаз? Что-то классическое?

Из динамиков моего Polo тут же бьёт бодрый современный бит и звонкий голос Тима Даниленко — салон заполняет припев трека «Дыши». Последние недели песня держится в верхних строчках чартов, и я уже слышала её буквально отовсюду.

Дмитрий замирает на пару секунд, с неподдельным изумлением глядя на светящуюся строчку с названием песни на маленьком экранчике магнитолы, а потом медленно переводит взгляд на меня. Кажется, моё попадание в его музыкальные привычки оказывается настолько снайперским, что он даже не пытается отпереться.

— Чёрт, — негромко произносит он, и в его голосе зву-

чит смесь досады и восхищения. — У меня в машине действительно весь последний месяц стоит плейлист с инструментальным джазом и какой-то современной классикой. Ты вообще когда-нибудь ошибаешься в людях, Валери, или читаешь всех за пять минут, как Игоря за столом?

Он качает головой, снова прислушиваясь к тому, как в колонках звучит совершенно чуждая его миру, простая и дерзкая поп-музыка, под которую я спокойно веду машину в левом ряду.

— Честно говоря, я даже не знаю, кто это поёт, — признаётся он, но не тянется убавить громкость. Вместо этого его левая кисть соскальзывает с узкого подлокотника и ложится на край моего сиденья, вплотную к внешней стороне моего бедра, так что кончики его пальцев ощутимо касаются ткани брюк. — Но после светских разговоров про бизнес и чужие отпуска это звучит как глоток свежего воздуха. Не выключай.

— Иногда ошибаюсь, когда меня пытаются обмануть. Я доверчивая, и если человек хорошо врёт, меня легко провести.

— Учту, — негромко произносит Дмитрий, и его взгляд в полумраке салона становится совсем серьёзным. — С тобой я блефовать не собираюсь, Валери. Даже по мелочам.

Психолог: Ага, зато собирается присвоить. Разница редфлагов не сказать, что прям масштабная.

Кончики его пальцев у моего бедра сдвигаются на санти-

метр ближе, разворачиваясь ладонью к моей ноге и легко прижимаясь к ткани брюк.

Впереди показывается первая крупная развязка на въезде в Москву и светящиеся указатели съездов. Дмитрий смотрит в лобовое стекло и спокойно направляет меня:

— Сейчас уходи в правый ряд, на эстакаду. И после съезда сразу во второй проезд налево, там тихая односторонняя улица за сквером.

Под следующий трек из моего плейлиста я сворачиваю с шумной магистрали в спокойный, утопающий в старых деревьях переулок. Здесь почти нет машин — только невысокие старинные особнячки и тёплый свет кованых фонарей вдоль тротуара.

— Вон у той арки с чугунной решёткой притормаживай, — показывает Дмитрий рукой вперёд, где за невысокой оградой светится лаконичная вывеска «Da Marco» и стоят всего две дорогие машины. — Паркуйся прямо у входа.

Я останавливаю Polo на свободном месте у бордюра и глушу двигатель. Музыка в салоне гаснет, и в наступившей тишине становится слышно только остывающий мотор и наше дыхание.

Дмитрий не сразу тянется к ручке своей двери. Он отстёгивает ремень безопасности — тот с тихим шелестом уходит в стойку — поворачивается ко мне всем корпусом и накрывает ладонью мою правую кисть, которая ещё лежит на рычаге коробки передач. Он чуть сжимает мою руку.

— Спасибо, что довезла, — говорит он низко. — Пойдём, накормим тебя стейком.

Психолог: Вы заметили, что он постоянно нас трогает?

Женщина 30+: Никаких возражений. Ему определённо нравится.

Психолог: Учитывая, что нам тоже нравится, тут у нас мэтч.

— Ты очень тактильный, да? — мягко спрашиваю я с улыбкой. — Меня ещё ни один гость столько не трогал за один вечер.

Дмитрий не убирает ладонь с моей руки — наоборот, большой палец медленно поглаживает мои костяшки и скользит к пульсу на запястье, прямо под корпус часов.

— Ошибаешься, я вообще не тактильный, — тихо отвечает он, глядя на мою улыбку. — Обычно я терпеть не могу, когда чужие люди подходят ближе чем на шаг, и сам никого не трогаю.

Его взгляд поднимается от моих губ к глазам, а пальцы сжимают мою кисть чуть крепче, нежно, но настойчиво фиксируя её на месте.

— А от тебя я весь вечер не могу руки убрать. И поверь, если бы за тем столом кто-нибудь из гостей хотя бы попробовал тебя коснуться — покер бы закончился гораздо раньше.

Стратег: И вот он снова теряет позиции в нашем рейтинге. Неужели нельзя просто быть адекватным?

Психолог: Глубоко травмированный человек, сразу вид-

но. Интересный случай.

Он удерживает мою ладонь ещё секунду, затем переворачивает её тыльной стороной вверх, коротко, горячо прижимается губами к коже чуть выше запястья, отпускает ее и толкает плечом пассажирскую дверцу. Выходит на тротуар, быстро обходит капот моего Polo и сам открывает передо мной водительскую дверь, подавая руку, чтобы помочь выйти.

Чёрт, а вот от этого поцелуя пробрало. Ну как можно одновременно так притягивать и так настораживать?

Я принимаю его руку и выбираюсь из машины. Закрыв дверцу и поставив машину на сигнализацию, иду с ним к входу.

За тяжёлой деревянной дверью «Da Marco» нас встречает камерный, очень тёплый полумрак: кирпичные своды, всего несколько столов под плотными белыми скатертями, живые свечи в низких подсвечниках и густой аромат розмарина, свежеиспечённого хлеба и оливкового масла. В дальнем углу сидит только одна пожилая пара, разговаривающая вполголоса.

Из-за барной стойки тут же выходит коренастый седоватый мужчина лет пятидесяти в тёмном жилете поверх белоснежной рубашки с закатанными рукавами. Увидев Дмитрия, он широко расплывается в улыбке:

— Дима! Buonasera, дорогой! Я уже думал, ты до конца недели за городом!

— Привет, Марко. — Дмитрий крепко жмёт приятелю руку, помогает мне снять пальто, снимает своё полупальто и передаёт обе вещи подошедшему официанту, после чего кладёт ладонь чуть выше моей поясницы, направляя меня к угловому столику с мягкими глубокими креслами у стрельчатого окна в сад. — Знакомься, это Валери. И нам сегодня не нужно меню.

Марко слегка кланяется мне, лично отодвигая передо мной глубокое кресло:

— Benvenuta, Валери! Очень рад. Тогда я сейчас принесу вам...

— Два хороших стейка рибай прожарки медиум-рэр и обычную жареную картошку с корочкой, Марко, — спокойно перебивает его Дмитрий, усаживаясь. — Никаких трюфельных пенок и сложных соусов. Просто мясо с огня, картофель и свежие овощи. И воду без газа.

Я опускаюсь в кресло напротив Дмитрия.

Марко на секунду замирает, удивлённо моргает, переводя взгляд с невозмутимого Дмитрия на меня, а потом понимающе смеётся и прижимает руку к сердцу:

— А-а, понял, понял! Ни слова больше. Картошка будет лучшая в Москве, обещаю. Через пятнадцать минут всё будет на столе. А вам, Дима, бокал вашего любимого бароло?

— Нет, Марко, я сегодня тоже без алкоголя, — отвечает Дмитрий. — Принеси нам лучше чайник хорошего чёрного чая с чабрецом.

Чудесно. Спросить меня, что я буду пить, видимо, не входит в его планы. Ладно, повезло, что чай с чабрецом мне нравится.

Когда хозяин с улыбкой удаляется на кухню, Дмитрий откидывается в кресле, но тут же снова подаётся вперёд, кладя руки на белую скатерть.

При свете свечи я наконец могу рассмотреть его как следует. Короткие тёмные волосы, выраженные скулы, щетина вдоль подбородка. Тёплый свет смягчает черты его лица, но глаза по-прежнему кажутся почти чёрными, делая взгляд немного диким.

Он сидит расслабленно, и серая ткань хенли обтягивает его широкие плечи и грудь. Я задерживаю взгляд чуть дольше, чем собиралась.

Женщина 30+: Ну как тут вообще сосредоточиться на разговоре?

— Ты сегодня удивила не только меня, но и Марко, — говорит он с лёгкой полуулыбкой. — Обычно я заказываю здесь что-нибудь другое, да и от вина не отказываюсь. А сегодня — стейк с картошкой и чай.

— По крайней мере, здесь нет официантов с идеально белыми полотенцами и улыбками в тридцать два.

— Именно поэтому я сюда и езжу, — соглашается Дмитрий. — Марко сам стоит у печи, ругается на поваров по-итальянски, если пересушат тесто, и никогда не лезет в душу с дежурными вопросами.

Молчаливый молодой официант ставит на стол большую бутылку прохладной воды, два бокала и плетёную корзинку с горячей чиабаттой под льняной салфеткой, рядом с которой в маленьком блюдце налито густое зелёное масло с крупинками морской соли.

Дмитрий сам открывает воду, наполняет мой бокал и пододвигает его к моей руке. Несколько секунд он просто рассматривает меня при мягком свете свечи — здесь, без рабочего реквизита и чужих глаз, его взгляд становится менее колючим, но ещё более плотным и внимательным. Он скользит по моим плечам в чёрной блузке, по жемчугу у горла и останавливается на моих руках на белой скатерти. Я замечаю этот взгляд.

— Расскажи мне, как ты вообще в это попала, Валери, — спокойно говорит он. — Я за последние годы насмотрелся на разных людей, которые умеют держать аудиторию и считывать чужой блеф за секунду. Обычно они либо сидят в советах директоров, либо ведут жёсткие переговоры за очень большие чеки. А ты приезжаешь на своей маленькой машине за город и раскладываешь фишки. Почему именно игры?

Я отламываю руками кусочек чиабатты, макаю его в масло и отправляю в рот. Прожевав, говорю:

— Мне просто нравится работать с людьми, развлекать их вот так. Я встречаю столько разных людей, и многие из них очень интересные. Конечно, обычно всё общение заканчивается после оплаты, но даже эти несколько часов — неверо-

ятно интересные.

— Значит, обычно всё общение заканчивается сразу после оплаты, — негромко повторяет он, цепляясь за последнюю фразу, и в уголке его рта появляется медленная, очень довольная усмешка. — Выходит, для меня сегодня сделали редкое исключение из правил.

Как интересно изменился его взгляд. Нет давления и напора, чистая заинтересованность. Таким он определённо нравится мне больше.

Его правая рука неторопливо скользит по белой скатерти вперёд — пальцы останавливаются совсем рядом с моим запястьем и легко, почти невесомо касаются тыльной стороны моей ладони.

И снова мягкое прикосновение.

— И мне очень нравится, как у тебя сейчас глаза горят, когда ты об этом рассказываешь, — добавляет он тише. — За столом у Максима ты этот огонь прятала за вежливой улыбкой.

Он не убирает пальцы от моей руки даже тогда, когда со стороны кухни появляется сам Марко с двумя большими подогретыми тарелками на деревянном подносе.

Аромат жареного на открытом огне мяса, чеснока и свежемолотого перца мгновенно перебивает запах свечей. Марко с гордостью ставит передо мной внушительный, сочный стейк с румяной корочкой и целую горку золотистой, тонко нарезанной жареной картошки с веточкой розмарина, а сле-

дом — точно такую же порцию перед Дмитрием и большую миску крупно нарезанных томатов и зелени. Следом официант приносит пузатый чайник с душистым чаем и две широкие чашки.

— Картошку жарил как для родной мамы! Buon appetito! — с улыбкой сообщает Марко и деликатно отступает, оставляя нас вдвоём.

Дмитрий разливает тёмный горячий чай с чабрецом по чашкам, придвигает одну ко мне и смотрит через стол с прямым, тёплым вызовом:

— Ешь, пока горячее. А потом расскажешь мне, на чём именно сегодня спалился я — когда ты поняла, что я смотрю далеко не в карты?

Скептик: Он думает, что мы могли этого не заметить! Я возвращаюсь к своим рассуждениям о его невысоком интеллекте.

Он берёт тяжёлый стейковый нож и приступает к своему мясу.

Я отрезаю кусочек мяса и пробую. Очень вкусно! Прожевав, поднимаю на него взгляд.

— Честно говоря, ты как будто бы особо и не пытался это скрывать.

— Не пытался, — легко соглашается Дмитрий, отрезая кусок своего стейка. — Когда видишь перед собой женщину, от которой невозможно оторвать взгляд, делать вид, что тебя страшно интересует бубновый валет на сукне, — пустая

трата времени.

Он отправляет мясо в рот, следом подцепляет вилкой пару ломтиков румяной жареной картошки с корочкой и на секунду прикрывает глаза, с неподдельным удовольствием оценивая вкус.

— Слушай, а с картошкой ты была абсолютно права, — признаёт он, глядя на меня с почти мальчишеской улыбкой.

Когда он улыбается, его лицо словно меняется: напряжение исчезает, у глаз появляются едва заметные складочки, и от прежней жёсткости остаётся только чёткая линия скул. Он сразу кажется моложе и теплее.

Женщина 30+: Всё. Теперь я ещё и эту улыбку буду вспоминать.

— Давно я её здесь не заказывал.

За ужином время течёт незаметно и удивительно легко. В дальнем углу пожилая пара расплачивается и уходит, и мы остаёмся в небольшом сводчатом зале совершенно одни. Дмитрий расспрашивает меня о самых странных и смешных заказах, которые мне попадались, сам с сухой иронией рассказывает пару историй со своих строек — когда заказчики просят перенести несущую стену «по фэншую» за день до сдачи объекта, — и при этом постоянно, ненавязчиво заботится обо мне за столом: подливает горячий чай с чабрецом, пододвигает ближе салат, следит, чтобы мой бокал с водой не пустел.

Но за всей этой тёплой, спокойной беседой воздух между

нами ни на секунду не остывает. Каждый раз, когда я поднимаю свой взгляд от тарелки или чашки, я натыкаюсь на его взгляд, а под столом его нога то и дело касается моей.

Когда тарелки пустеют, а свеча в стеклянном стаканчике прогорает уже наполовину, Дмитрий отставляет пустую чашку в сторону, складывает руки на скатерти и поворачивается ко мне:

— Половина двенадцатого, Валери. Если я сейчас попрошу счёт и мы выйдем к твоей машине — ты отвезёшь меня до ближайшего перекрёстка, пожелаешь спокойной ночи и уедешь к себе домой? Или мы ещё не закончили этот вечер?

Стратег: Итак, возвращаемся к вопросу «Чего мы хотим?».

Женщина 30+: Секса!

Психолог: Не быть использованными и не попасть в созависимые отношения.

Скептик: Не встрять в проблемы.

Стратег: И мужчину, на которого можно положиться..

Женщина 30+: А если он так делает регулярно? Просто развлекается на стороне?

Психолог: Давайте спросим.

Стратег: Решим по ответу.

Я ставлю чашку и поднимаю на него взгляд.

— Знаешь... Я не очень понимаю. Ты постоянно так делаешь: отправляешь жену домой, а сам едешь по своим «делам»? Я просто не хочу быть одной из тех, кем добавляют в

брак разнообразие.

Дмитрий внимательно смотрит на меня. Он не пытается перевести тему в шутку — наоборот, подаётся через стол ближе ко мне, кладя обе ладони на белую скатерть.

— Нет, Валери. Я так не делаю никогда, — отвечает он твёрдо и негромко. — У меня за восемь лет не было ни одной интрижки на стороне, ни одной любовницы «для разнообразия» и ни одного вечера, когда я уехал бы с праздника с другой женщиной.

Приемлемо. По крайней мере, не занимается подобным регулярно.. Но вопрос «почему это произошло» остаётся открытым.

Он медленно поворачивает левую кисть на скатерти. Платиновое обручальное кольцо тускло блестит в свете свечи. Дмитрий правой рукой берёт кольцо за края, стягивает его с безымянного пальца и с тихим, но отчётливым звоном кладёт на стол возле своего пустого стакана.

Я слежу взглядом за тем, как он снимает кольцо и кладёт его на стол.

— То, что ты сегодня видела в прихожей, — это не семейная ссора, после которой завтра будут мириться, — спокойно и жёстко продолжает он. — Мы со Светланой уже больше двух лет живём в разных спальнях как чужие люди, которых связывает только общая вывеска и привычка не выносить сор из избы перед друзьями. Сегодня эта вывеска закончилась. Туда я вернусь только за своими вещами и доку-

ментами для юриста.

Психолог: Мощно.

Стратег: Это шаг.

Он убирает кольцо в карман джинсов, а затем протягивает руку через стол и накрывает мои пальцы своей горячей, тяжёлой ладонью.

— Ты мне не для разнообразия в чужом браке нужна, — говорит он, сжимая мою кисть. — Я в машине сказал тебе правду: с тобой я не блефую. Если тебе нужно время, чтобы убедиться, что я закрыл этот вопрос окончательно и не вожу тебя за нос, — я не стану сегодня на тебя давить. Но и просто так отпускать тебя, будто мы случайно поужинали и разошлись, я тоже не собираюсь.

Психолог (вздыхает): «Давить не буду», «отпускать тоже не собираюсь». У меня диссонанс. И красная лампочка. Но жест сильный.

Женщина 30+: Подожди, но, может, про «отпускать не собираюсь» это он про вообще, а не про сегодня..

Стратег: Резонно.

Психолог: Но недоверия его слова не вызывают.

Я переворачиваю свою кисть и провожу большим пальцем по его руке, по светлой полоске кожи у основания безымянного пальца, где только что было кольцо. Дмитрий задерживает дыхание.

— Я тебе верю... — негромко говорю я.

Мышцы на его предплечье под закатанным рукавом ощу-

тимо напрягаются. Он переворачивает ладонь и переплетает свои пальцы с моими, крепко, до горячей тесноты сжимая мою руку на белой скатерти.

Чёрт, приятно.

Несколько секунд он смотрит на наши сцепленные пальцы, а затем поднимает глаза.

— Пошли отсюда, — глухо произносит он.

Он не зовёт официанта и не ждёт счёта: одной рукой достаёт из кардхолдера пару крупных купюр, прижимает их краем блюдца на столе, поднимается и, не выпуская моей ладони, помогает встать мне. У выхода Марко пытается сам подать нашу одежду, но Дмитрий лишь коротко кивает приятелю, забирает моё пальто и бережно набрасывает его мне на плечи, задерживая руки на моих ключицах дольше, чем требует вежливость. Затем забирает и надевает своё полупальто.

Мы выходим из ресторана и подходим к машине.

На улице тихо и прохладно — в переулке уже не осталось ни одной чужой машины, только мой Polo стоит в полумраке под раскидистым деревом, чуть в стороне от круга фонарного света.

Дмитрий делает шаг ко мне, разворачивает меня к себе лицом прямо у крыла моей машины и притягивает за талию вплотную.

О боже. Горячий. Так близко. И пахнет умопомрачительно..

Его правая ладонь ложится мне на затылок, пальцы зарываются в волосы над низким хвостом, бережно, но властно запрокидывая моё лицо к нему, а левая рука плотно прижимает меня за поясницу.

Он секунду смотрит на мои губы — его дыхание сбитое, горячее, — и накрывает мои губы своими.

В этом поцелуе нет ни осторожной робости, ни вежливой проверки: он целует глубоко, жадно и настойчиво. Я отвечаю ему на поцелуй, приоткрывая губы. Его губы мягкие и горячие; он с лёгким стоном проводит языком по моей нижней губе и втягивает её, ещё теснее вжимая меня в себя у дверцы машины.

Мои ладони скользят под распахнутые полы его кашемирового полупальто и ложатся прямо на тонкий хлопок его футболки. Под тканью — горячее, литое тело: бока, спина, мышцы, которые сразу отзываются на моё прикосновение. Его сердце бьётся тяжело и часто.

Из горла Дмитрия вырывается низкий, глухой выдох. Он прижимает меня спиной к дверце машины ещё плотнее, наваливаясь всем своим весом, так что металл кузова позади меня слегка пружинит.

Он целует меня ещё глубже, без всякой спешки, но с такой жадностью, словно никак не может напиться: его язык горячо скользит вдоль моего, губы то крепко сжимают мои, то чуть отпускают, позволяя вдохнуть, и снова накрывают поцелуем. Его левая ладонь с моей поясницы спускается ни-

же, ложится на бедро и с силой притягивает мой таз вплотную к себе — сквозь плотную джинсу и ткань моих брюк я отчётливо ощущаю животом твёрдую тяжесть его вставшего члена.

Он подаётся бёдрами навстречу, вжимая в меня свой стояк. Из моего рта раздаётся стон, прямо ему в рот. А внизу живота сладко стягивается узел желания.

Боже, как хорошо..

Пальцы его правой руки путаются в моих волосах у затылка; гладкий низкий хвост окончательно ослабевает, и несколько прядей выбиваются к вискам.

Дмитрий с трудом отрывается от моих губ всего на пару сантиметров, тяжело и прерывисто дыша мне прямо в рот. Его тёмные, поплывшие от желания глаза смотрят на меня в упор в полумраке переулка. Он проводит губами по линии моей челюсти, спускается к шее и, прижавшись ртом к нежной коже прямо над жемчужным воротником, оставляет там долгий, горячий поцелуй; его щетина слегка колется.

— Чёрт, Валери... — хрипло выдыхает он мне в шею, его руки под моим пальто сжимают мою талию крепче, ещё сильнее притирая меня бёдрами к своему стояку. — Я весь вечер за тем проклятым столом думал только о том, какие у тебя на вкус губы.

Он чуть приподнимает голову, утыкаясь лбом в мой висок, а его ладонь скользит по моему боку вверх, ложась прямо под грудью поверх блузки, и большой палец медленно

проводит по нижнему изгибу:

— Скажи, куда тебя отвезти. Домой я сегодня всё равно не еду.

— Поехали ко мне... Я поведу, — выдыхаю я, всё ещё переводя дыхание.

Дмитрий коротко, жадно целует меня ещё раз — прихватывает губами мою нижнюю губу, втягивая воздух сквозь зубы, — и только после этого разжимает руки. Я снимаю машину с сигнализации, и он открывает передо мной водительскую дверцу.

Когда мы садимся в машину и я выезжаю из тихого переулка на ночной проспект в сторону своего района, воздух в маленьком салоне кажется наэлектризованным до предела. Дмитрий даже не пытается сидеть спокойно на своём пассажирском месте: он поправляет расстёгнутый ворот футболки, поворачивается ко мне и кладёт правую ладонь высоко на моё бедро.

Всю дорогу, пока за окнами мелькают жёлтые огни развязок и многоэтажки спального района у метро, его тяжёлая рука лежит на моей ноге. Он не мешает мне вести машину, но его пальцы неторопливо сжимают моё бедро сквозь тонкую ткань брюк, а большой палец медленно гладит внутреннюю сторону ноги, поднимаясь всё выше. Каждый раз, когда я останавливаюсь на красном светофоре, он переводит взгляд с моих рук на руле на моё лицо, на губы, которые всё ещё горят после поцелуя на улице, и его дыхание в тишине

салона слышно даже поверх гула мотора.

Я сворачиваю во двор своего дома и паркуюсь на свободном месте под фонарём. Стоит мне заглушить двигатель, как Дмитрий выходит первым, открывает заднюю дверцу и без лишних слов забирает оттуда мой тяжёлый алюминиевый кейс с фишками и тубус с сукном.

В подъезде и в узкой кабине лифта он стоит за моим правым плечом — так близко, что я спиной ощущаю исходящий от него жар. Он смотрит на меня в зеркало лифта, пока на табло сменяются цифры этажей.

На моей площадке тихо. Я поворачиваю ключ в замке, шагаю в прихожую и едва успеваю щёлкнуть выключателем неяркого бра у зеркала.

Дмитрий входит следом вплотную, глухим ударом локтя захлопывает входную дверь и одним резким движением до упора проворачивает защёлку. Кейс с фишками и тубус с глухим стуком опускаются прямо на пол у стены, его тёмное полупальто летит с широких плеч на крючок, и он разворачивается ко мне раньше, чем я убираю руку с ключами. Едва успеваю скинуть ботинки, слышу, как он делает то же самое.

В полумраке прихожей его глаза кажутся почти чёрными, а дыхание уже тяжёлое и неровное. Он выхватывает связку ключей из моих пальцев, не глядя швыряет её со звоном на полку у зеркала и шагает на меня, впечатывая спиной в стену. Его руки действуют быстро и почти грубовато от нетерпения: он в два движения расстёгивает мою верхнюю одеж-

ду, сдёргивает её с моих плеч, отбрасывая в сторону на банкетку, и тут же наваливается сверху всем своим тяжёлым, горячим телом.

Я сразу выдыхаю от его веса и напора: Дмитрий без всякой прелюдии раздвигает мои ноги своим коленом и с силой вжимается пахом прямо между моих бёдер. Сквозь плотную джинсу я отчётливо чувствую его налитый, каменно-твёрдый член, который упирается прямо в меня.

Его правая рука скользит по моей шее к затылку, пальцы срывают резинку с низкого хвоста и тут же властно зарываются в рассыпавшиеся волосы у основания черепа, запрокидывая моё лицо к себе. Левая ладонь жёстко перехватывает меня за талию и притягивает вплотную, заставляя тереться о его стояк.

— Еле дотерпел, пока ты вела эту машину, — хрипло, прямо мне в губы выдыхает он. — Три часа за этим столом только и думал о том, как прижму тебя к стене и смогу сделать так.. — Его таз делает резкое, тяжёлое движение вперёд, вжимаясь членом ещё плотнее.

Мои пальцы вцепляются в ворот его тёмно-серой футболки, а бёдра сами подаются вперёд.

Боже, какой большой и твердый..

С губ Дмитрия срывается глухой, почти звериный рык. Он впивается в мой рот жёстким, голодным поцелуем, буквально сминая мои губы и проталкивая язык глубоко внутрь. Я отвечаю ему с той же жадностью, выдыхая прямо ему в рот,

пока его колючая щетина обжигает мою кожу.

Не разрывая поцелуя ни на секунду, он обхватывает ладонями мои ягодицы, с силой сжимает их, приподнимая меня и заставляя ещё плотнее тереться о его налитый член, и в несколько широких, стремительных шагов вносит меня из прихожей в полумрак спальни. У самого входа он с глухим стуком вжимает меня спиной в стену.

Его руки двигаются с лихорадочной быстротой. Пальцы хватают жемчужный воротник моей чёрной блузки и резким рывком тянут края в стороны — пуговицы с сухим треском выскакивают из петель, и он в одно движение сдирает шёлковую ткань с моих плеч и рук, швыряя её на пол.

Широкие, раскалённые ладони Дмитрия тут же скользят по моим рёбрам вверх и накрывают голую грудь. Пальцы с силой сжимают упругую плоть, натыкаясь на уже затвердевшие соски, и его дыхание со свистом срывается сквозь стиснутые зубы.

— Охуеть... ты весь вечер сидела передо мной вообще без лифчика, — хрипит он, и в его потемневших глазах вспыхивает чистая, неприкрытая похоть.

Он даже не даёт мне вставить слово — срывает через голову свою футболку, отбрасывая её в темноту комнаты, и тут же снова вжимается голой горячей грудью в мою. Его рот жадно накрывает мой сосок, с силой втягивая его губами и прихватывая зубами так, что у меня перехватывает дыхание и с губ срывается громкий стон, а мои пальцы впиваются в

его жёсткие, напряжённые плечи.

Охренеть, какой он..

Одновременно его руки бьют по поясу моих брюк: пуговица и молния расстёгиваются за секунду, он поддевает ткань вместе с тонкими трусиками и резким движением срывает их вниз по моим бёдрам и голеням. Я едва успеваю вышагнуть из спущенной одежды, как Дмитрий подхватывает меня под голую ягодицу, высоко задирает мою ногу себе на пояс и запускает правую руку прямо между моих ног.

Его пальцы сразу утопают в горячей, обильной смазке, с силой проводят по губам и без всякой раскачки входят в меня — глубоко, резко, сразу двумя пальцами, пока большой палец с нажимом растирает клитор. От этого вторжения я захлебываюсь в стоне. От того, как он быстро завладел мной, комната поплыла перед глазами.

— Ты уже вся течёшь по мне, — глухо рычит он прямо в мою грудь, не отрываясь от набухшего соска и мощно, быстро двигая пальцами внутри меня, так что мои бёдра сами начинают толкаться навстречу его руке. — Всю дорогу в машине текла?

— И за столом.. Весь вечер.. — выдыхаю со стоном.

От моих слов у него окончательно срывает резьбу. Дмитрий глухо стонет мне прямо в губы, а его пальцы внутри меня делают ещё два резких, глубоких толчка, с силой надавливая на переднюю стенку так, что я невольно вскрикиваю и выгибаюсь в пояснице.

— Блядь... сидела там с ледяным лицом, раздавала карты, а сама уже текла под столом от моей руки, — хрипит он, кусая мои губы и глядя на меня в упор почти чёрными, шальными глазами. — Я сейчас отыграюсь за каждую минуту.

Он с влажным звуком вынимает пальцы из меня и тут же одной рукой со звоном расстёгивает пряжку своего ремня. Пуговица и молния джинсов расходятся следом; Дмитрий одним резким движением срывает с бёдер джинсы вместе с боксёрами и отбрасывает их с ног.

Его тяжёлый, до предела налитый кровью член освобождается и тут же упирается раскалённой, влажной на кончике головкой прямо в низ моего живота. Я не жду ни секунды — моя рука сама скользит вниз между нашими телами, пальцы плотно обхватывают его твёрдый, горячий ствол и с нажимом ведут от основания к самой головке, размазывая по коже выступившую каплю смазки.

Дмитрий со свистом втягивает воздух сквозь стиснутые зубы, его пресс каменеет, а таз рефлекторно подаётся вперёд, с силой толкаясь прямо в мою ладонь.

— Чувствуешь, как я из-за тебя стою? С самого первого взгляда с лестницы, каждую чертову раздачу за столом.. — С его губ срывается глухой выдох, когда я провожу большим пальцем по чувствительной уздечке.

— Чувствую. Весь вечер хотела почувствовать это, — выдыхаю я, не прекращая водить рукой по его члену.

— Иди ко мне. — Он перехватывает меня обеими руками

под голые ягодицы и рывком поднимает на себя.

Я тут же обхватываю его торс ногами, вжимаясь мокрыми складками прямо в его твёрдый ствол, а он в три широких шага пересекает спальню и опрокидывает меня спиной на кровать, наваливаясь сверху всем своим тяжёлым, горячим телом.

Протянув руку вбок, Дмитрий наугад бьёт ладонью по кнопке ночника у изголовья. Приглушённый тёплый свет заливает смятую постель, выхватывая из темноты его потемневшее от желания лицо, напряжённую шею, широкую грудь и моё голое тело под ним.

Левой ладонью он жёстко обхватывает моё бедро, разводя мои ноги шире и устраиваясь между ними, а правой берёт свой член и несколько раз с силой проводит крупной, набухшей головкой вверх и вниз по моим губам, задевая клитор так, что мои бёдра сами приподнимаются над матрасом ему навстречу.

— Я хочу видеть твои глаза, когда войду в тебя до самого конца, — хрипло выдыхает он, приставляя тяжёлую головку прямо к моему пульсирующему входу и нависая над моим лицом. — Скажи мне, чего ты хочешь прямо сейчас.

— Тебя, блядь.. Тебя хочу! — стону я.

От моих слов в глазах Дмитрия вспыхивает тёмный азарт, и он не медлит больше ни доли секунды — резко подаётся тазом вперёд и одним мощным, безостановочным толчком вгоняет свой член в меня до самого основания.

Воздух выбивает из лёгких у нас обоих. Он крупный, плотный, и даже несмотря на то, как сильно я теку, его твёрдый ствол раздвигает мои узкие стенки с тугим, почти предельным натяжением, заполняя меня целиком. Я выгибаюсь в пояснице, с губ срывается громкий, протяжный стон, а пальцы крепко сжимают его предплечья.

Дмитрий замирает в самой глубине буквально на секунду, плотно прижавшись пахом к моему клитору. Его лицо искажается от острого, почти болезненного кайфа, челюсти сжимаются, а из груди вырывается низкий, хриплый выдох:

— Какая ты узкая.. Пиздец, как плотно ты меня сжимаешь..

Он не даёт ни себе, ни мне времени привыкнуть. Его широкие ладони с силой обхватывают мои бёдра — пальцы впиваются в мягкую кожу так крепко, что наверняка останутся следы, — он чуть приподнимает мой таз под нужным углом, выходит почти до самой головки и с размаху вбивается обратно.

Сразу же начинается жёсткий, глубокий и голодный ритм. Никакой осторожной притирки: Дмитрий трахает меня так, словно дорвался после долгого голода, вкладывая в каждый толчок всю тяжесть своего тела. Кровать под нами глухо скрипит, а по комнате разносятся влажные, откровенные звуки скольжения и шлепки его бёдер о мои.

Я обхватываю его талию ногами, скрещивая лодыжки у него на пояснице, и сама начинаю двигаться навстречу каж-

дому его удару, насаживаясь на его раскалённый член ещё глубже. Моя грудь с набухшими сосками при каждом движении трётся о его горячую, жёсткую грудь.

Дмитрий опускается ниже, упираясь одним предплечьем в подушку у моей головы, а второй рукой продолжая до боли сжимать моё бедро и натягивать меня на свой ствол. Его дыхание рваное, тяжёлое, он жадно целует мой рот, подбородок, шею и сквозь сбитые выдохи рычит мне прямо в губы:

— Чувствуешь, как глубоко я в тебе?.. Весь целиком, блядь... Скажи мне, как тебе со мной. Я хочу это слышать!

— Чувствую.. И это охуенно.. Я ждала это весь вечер, — выдыхаю я.

От моих слов по его телу проходит крупная дрожь. Дмитрий глухо рычит, вжимаясь тазом ещё плотнее, а я, задыхаясь от каждого его удара внутри, подаюсь вверх, прижимаюсь губами к его горячей, влажной шее и ощутимо, до боли впиваюсь зубами в напряжённую мышцу у самого её основания.

Воздух со свистом вырывается из его горла. От укуса у Дмитрия окончательно срывает тормоза.

— Сумасшедшая.. — хрипит он, резко вскидывая голову.

Его левая рука с такой силой сжимает моё бедро, что пальцы буквально впечатываются в мягкую кожу, натягивая меня на каждый свой толчок, а правая ладонь ложится сбоку на мою шею и челюсть, властно удерживая на месте и не давая отвернуться. Он меняет угол, наваливаясь сверху всем своим весом, и начинает трахать меня в бешеном, беспощадном

темпе.

— Смотри на меня. Смотри, пока я тебя трахаю. — Он не отрывает от меня своего ошалелого взгляда.

Твёрдый, раскалённый ствол ходит внутри меня по всей длине, с каждым мощным ударом выбивая из меня воздух и заставляя мои стенки судорожно сжиматься вокруг него. Внизу живота всё сильнее разгорается тугой, невыносимый жар: при каждом глубоком толчке основание его члена и жёсткий пах с силой растирают мой набухший клитор, залитый горячей смазкой.

Я громко, прерывисто стону, выгибаясь под ним и обхватывая его бёдра ногами так крепко, как только могу, а Дмитрий смотрит прямо в мои глаза шальным, потемневшим до черноты взглядом и сквозь тяжёлое, рваное дыхание рычит мне в губы:

— Ты моя сейчас, Ви, слышишь меня?! Никаких полумер, блядь... Вся моя. До самого конца!

Его, блядь, да. Его.

Он делает еще три быстрых движения, почти выходя наружу и тут же вбиваясь обратно на максимальную длину, и вдруг резко замирает, утопив себя во мне до предела, судорожно втягивая воздух ртом и глядя, как вздрагивают мои ресницы. Его член внутри меня подрагивает от сдерживаемого напряжения. Ему стоит огромных усилий не кончить прямо сейчас.

— А ты мой.. — выдыхаю я.

— Твой, блядь... Весь твой, — хрипло выдыхает он мне прямо в рот, и от этих слов его окончательно срывает.

Пальцы Дмитрия до предела впиваются в моё бедро, вжимая меня в матрас, и он выдаёт серию таких мощных, глубоких и быстрых ударов, что кровать под нами ходит ходуном. Раскалённый, твёрдый член вбивается в самую глубину.

— Кончай на мне. От моего члена. Кончай! — Я вижу, как его лицо искажается от невероятного безумного удовольствия.

Через несколько секунд меня накрывает с головой: внутри всё сводит тугим, ослепительным спазмом, дыхание обрывается в крике, и я выгибаюсь под ним дугой. Мои внутренние стенки начинают ритмично, с силой сжиматься вокруг его ствола, буквально вытягивая из него всё без остатка.

Почувствовав, как я пульсирую вокруг него в оргазме, Дмитрий глухо, протяжно рычит мне в шею. Он делает ещё два резких, размашистых толчка и с силой вжимается в меня до самого основания, замирая в глубине. Я чувствую, как его член крупно вздрагивает внутри меня и начинает толчками изливаться горячей спермой, заполняя меня до краёв.

Сквозь стиснутые зубы с его губ срывается тяжёлый, прерывистый стон. Даже кончая, он ещё несколько раз резко с нажимом подаётся тазом вперёд, втискивая себя глубже и продляя каждый спазм, пока наши тела мелко дрожат от напряжения.

Тяжело, рвано дыша, Дмитрий опускается на предплечья,

наваливаясь на меня сверху всей своей горячей, взмокшей грудью, но не выходит из меня — его всё ещё плотный член остаётся глубоко внутри. Его руки еще подрагивают. Он утыкается лицом в изгиб моей шеи, обжигая кожу горячим дыханием. Он лежит так минуту или дольше. И когда дыхание начинает выравниваться, он ослабляет хватку на моем бедре и его ладонь начинает медленно поглаживать мою кожу.

— Не шевелись... — глухо, почти шёпотом произносит он мне в кожу. — Побудь так со мной. Ещё минуту.

Это.. мило. Чёрт, под всей этой контролирующей маской сидит мужик, который просто хочет тепла и любви от женщины рядом с собой.

Мои руки крепче смыкаются на его лопатках, удерживая его тело на себе.

Кажется, я попала. Это было не просто хорошо. Это было охренеть как хорошо. Блядь.

Психолог: Он контролирующий.

Стратег: Но конкретный и надёжный.

Женщина 30+: И сексуальный.

Скептик: Гремучая смесь, я вам скажу.

Стратег: Мы справимся.

Психолог: А если не справимся — дверь открыта. Нас никто не держит.

Женщина 30+: Мы ему нравимся. Ну, не все мы, возможно.. А те, кого он успел застать.

Психолог: Будет непросто.

Стратег: Мы справимся.

Скептик: Я составила таблицу плюсов и минусов. Кто хочет взглянуть?

Женщина 30+: Скептик поплыла, раз нашла плюсы.

Стратег: Именно.

— Я здесь... Я, кажется, уже никуда не денусь, — говорю я негромко, с прерывистым дыханием.

От моих прерывающихся слов по его груди проходит едва заметная волна — он шумно, глубоко выдыхает прямо в изгиб моей шеи, и его дыхание обжигает кожу.

Несколько секунд он просто лежит неподвижно. Затем Дмитрий медленно сдвигается. Сдерживая тяжесть собственного веса, он плавно переносит корпус вбок и опускается на простыни рядом со мной, но не отпускает ни на сантиметр. Одной рукой он сразу же сгребает меня к своему боку, укладывая мою голову себе на плечо, пока наши обнаженные ноги остаются плотно переплетенными.

Дмитрий поворачивает голову на подушке. В полумраке спальни его глаза кажутся почти черными, зрачки все еще широкие после вспышки, но взгляд уже собранный, сосредоточенный на моем лице.

Он поднимает руку, ведет пальцами по моей щеке, убирая влажную от пота прядь волос мне за ухо, и оставляет ладонь на моем затылке, чуть сжимая пальцы.

— И не пытайся, — произносит он негромко. Голос звучит хрипло, сорванно, но с абсолютной, давящей уверенно-

стью мужчины. — Никуда ты теперь не денешься. Я тебе просто не дам уйти.

Психолог: Начинаю формировать план на перевоспитание. Знаете, я не думаю, что он всерьёз собирается запирать нас. Иногда это единственный язык, которым такие люди могут говорить. Гораздо важнее его обучаемость, чем отправная точка. Но всё равно надо держать границы.

Он замолкает на пару секунд, тяжело втягивая носом воздух, вглядывается в мое лицо и вдруг спрашивает другим тоном — тише, глубже, без прежней жесткости:

— Тебе не больно? Внизу. Скажи прямо.

— Ты, конечно, большой... — говорю я со смешком. — Но всё в порядке. Почему... почему ты думаешь, что мне может быть больно?

Его грудь под моим виском глухо вздрагивает от короткого, беззвучного смешка, но в глазах Дмитрия веселья мало. Он внимательно сканирует мое лицо, задерживаясь на раскрасневшихся щеках, припухших от поцелуев губах и растрепанных волосах.

Чего он так смотрит?

Ладонь на моем затылке медленно сползает вниз. Его пальцы скользят по шее, очерчивают ключицу и неспешно опускаются по моим ребрам к бедру. Там, на светлой коже, уже отчетливо проступают багровые следы от его пальцев — четкие отпечатки жесткой, собственнической хватки.

Ой, этого я даже не заметила.

Дмитрий проводит подушечкой большого пальца по одному из этих следов, чуть надавливая, словно проверяя мою реакцию.

— Потому что я почти не сдерживался, — произносит он негромко, без тени рисовки или хвастовства. В его низком голосе звучит предельная, трезвая констатация факта. — А я привык контролировать силу. Всегда.

Он делает короткую паузу, глядя на контраст своей широкой, загорелой руки и моей тонкой талии.

— Ты миниатюрная. Узкая. А я входил до конца и жестко, — его темные глаза снова поднимаются к моим, и в них нет ни капли сожаления, лишь глухое, тяжелое признание того, что произошло между нами. — Когда ты прикусила мне шею и сказала, что я твой... меня просто сорвало. Я перестал следить за тем, насколько тебе тяжело принимать меня целиком.

Он не убирает руку с моего бедра, но пальцы смягчаются, ладонь становится укрывающей, теплой. Свободной рукой он нащупывает сбитое в ногах одеяло, одним движением подтягивает его вверх и накрывает мои остывающие на воздухе плечи, отсекая сквозняк из коридора.

Затем Дмитрий чуть сдвигается, устраиваясь удобнее, прижимает меня к себе еще плотнее и негромко спрашивает:

— Воды принести? Или хочешь сначала в душ?

Я закидываю свою обнаженную ногу ему на бедро. Дмитрий только плотнее перехватывает ее ладонью чуть выше колена, фиксируя это движение, словно так и должно быть. Его

пальцы теплые и шершавые.

Я утыкаюсь носом в основание его шеи, прямо под челюсть, вдыхая его запах.

Господи, как он пахнет.. И кожа какая мягкая..

От его разгоряченной, остывающей кожи пахнет чистым соленым потом, сексом и едва уловимым, горьковатым шлейфом дорогого парфюма с нотами кедра и табака — тем самым ароматом, с которого начался наш вечер за карточным столом в загородном доме, но который теперь кажется абсолютно знакомым, смешанным с моим собственным.

Грудь Дмитрия мерно поднимается и опускается под моей щекой. Его вторая рука лежит у меня на спине, ладонь медленно, машинально оглаживает позвоночник от лопаток до поясницы и обратно.

— Полежать ещё пять минут вот так, а потом в душ.. — выдыхаю я ему прямо в шею.

— Пять минут, — негромко отзывается он, соглашаясь.

Его голос глухо вибрирует в грудной клетке, отдаваясь теплом прямо в мои ребра. Он чуть поворачивает голову и коротко, сухо касается губами моего виска, задерживая дыхание у самых волос.

Женщина 30+: Как хорошо, девочки.

В полумраке спальни отчетливо тикают настенные часы где-то на кухне за приоткрытой дверью. За окном, за плотной шторой, изредка приглушенно шумит редкая ночная машина по спальному району.

Дмитрий лежит молча пару минут, просто позволяя тишине осесть между нами, пока дыхание окончательно не выравнивается.

Затем его ладонь на моем бедре чуть сжимается. Дмитрий приподнимает голову от подушки, глядя на мое лицо в мягком свете ночника, и его губы трогает едва заметная усмешка — первая за всю ночь спокойная, открытая.

— Время вышло, — тихо говорит он, продолжая удерживать мою ногу своей рукой. — Идём. Или тебя на руках донести?

— Идём. Вроде сама могу дойти.

Я поднимаюсь с кровати, и мы идём в ванную. Моё тело расслабленно, и шаги удаются тяжеловато, а в коленках все еще ощущается дрожь после секса.

Горячие упругие струи душа смывают с кожи соль, пот и остатки сумасшедшего напряжения этой ночи. В тесной кабине, где пар быстро затягивает зеркало и кафель, Дмитрий стоит за моей спиной, подставляя под воду свои широкие плечи, и молча, осторожными, тяжелыми ладонями смывает пену с моих плеч и поясницы.

Сейчас руки у него мягкие. Это серьёзно контрастирует с тем, как он хватал меня под столом.

Психолог: Если отрегулировать его контроль и снять напряжение от ревности, то вполне себе адекватный мужчина может получиться.

Я знаю. Поэтому он здесь. Поэтому мне хочется, чтобы он

остался. Поэтому я хочу уснуть сегодня в его руках.

Мы выходим в коридор сквозь густые клубы теплого пара.

Я плотно запахиваю махровое полотенце на груди, а Дмитрию достается самое большое банное — он небрежным, точным движением завязывает его низким узлом на бедрах. Мокрые темные волосы зачесаны назад открывая лоб, на широких ключицах и впадине между грудными мышцами еще блестят отдельные капли воды.

Я бросаю взгляд на его обнаженный торс.

Женщина 30+: Если мы будем видеть его таким каждый день — у нас серьёзно поднимется планка насчет мужчин.

Босиком он идет за мной по прохладному ламинату коридора прямо в кухню, оставляя влажные следы на полу от ступней.

— Чай? — спрашиваю я, оглядываясь через плечо у входа.

— Чай, — глухо соглашается он. Голос после душа звучит чуть мягче, но в нем все еще слышна глубокая усталость и хрипота. — Черный, если есть. И без сахара.

Кухня небольшая, но комфортная: светлые гарнитурные шкафы, холодильник, узкий стол у окна и диванчик возле него. Рядом со стеллажом у входа сиротливо приткнулась моя дорожная сумка с настолками и мафиозными масками, оставленная после вчерашней подготовки к выезду.

Дмитрий сидит на деревянном табурете у стола; в моей небольшой кухне он кажется крупнее обычного.

Он молча скользит взглядом по обстановке — замечает

магниты на дверце холодильника, аккуратную стопку чистых полотенец, мои движения. Его внимание не критикующее, а тяжелое, впитывающее, словно он методично присваивает себе детали моей настоящей, бытовой жизни.

Я нажимаю клавишу на чайнике. Тот щелкает и начинает тихо, нарастающе шуметь, нагревая воду.

Я достаю две кружки — простые, керамические — и опускаю в каждую по чайному пакетику. Оборачиваясь к столу, я замечаю, что Дмитрий уже наблюдает за мной.

— Ты всегда такая спокойная после игр? — негромко спрашивает он, наблюдая, как я беру закипевший чайник. — Или это я на тебя так действую?

Женщина 30+: Не вижу поводов нервничать после оргазма.

— Я в целом всегда спокойная.. пока нет поводов для волнения, — говорю я, опуская перед ним кружку с темным, быстро заваривающимся чаем.

Свой пакетик я вынимаю почти сразу, оставляя чай янтарным, насыпаю сахар и коротко размешиваю ложкой. Тонкий звон металла о керамику разносится по тихой кухне.

Я мягко опускаюсь на небольшой кухонный диванчик за узким столом, ставлю чашку перед собой, ставлю между нами блюдце и поднимаю взгляд на Дмитрия:

— А ты на меня действуешь совершенно необычно. Я волнуюсь, если честно. Меня тянет к тебе как магнитом, но и боюсь, что это горячая лампочка для мотылька.

Дмитрий берется за ручку чашки и внимательно слушает меня. Когда я договариваю, между его бровей залегает неглубокая вертикальная складка.

Он вынимает пакетик из своей кружки, откладывает его на край блюдца и несколько секунд просто смотрит на меня сквозь редкий белесый пар, поднимающийся от воды. В его темных глазах нет ни насмешки, ни снисходительности.

— Мотыльки летят на свет вслепую, Ви, — негромко произносит он. — А ты с первой минуты за тем столом смотрела мне прямо в глаза и прекрасно понимала, что происходит.

Он подается корпусом вперед через узкую столешницу. Его длинная рука ложится на стол, и тяжелая, теплая ладонь накрывает мою кисть, лежащую рядом с чашкой, мягко, но ощутимо.

— Но если говорить начистоту — со мной действительно непросто, — продолжает он тем же ровным, глубоким тоном, не отводя взгляда. — У меня тяжелый характер. Я не умею делить то, что считаю своим, и за дверью этой квартиры завтра начнется развод, который я откладывал слишком долго.

Психолог: Он, по крайней мере, признает свой тяжелый характер.

Скептик: Признавать — не значит хотеть с этим что-то делать. Но решение о разводе принято, это факт.

Женщина 30+: Это плюс.

Стратег: Ждем подписанных документов.

Большой палец его руки медленно проводит по костяш-

кам моих пальцев, согревая их.

— Только обжигаться об меня ты не будешь, — твердо добавляет Дмитрий, и в его голосе снова проступает та самая спокойная, железобетонная уверенность. — Я снял кольцо сегодня не для того, чтобы отыграться на тебе за чужие ошибки и исчезнуть утром. Или тебя пугает не это, а то, как быстро я к тебе привязался?

Стратег: Психолог, молчи. Не время для психологического разбора.

Психолог: Предлагаю выдать оправдание. Логичное.

Женщина 30+: И не задеть самолюбие. Нам он нравится за всей этой шелухой контроля.

Я накрываю его широкую кисть своей второй ладонью, заключая его пальцы в теплое кольцо, и мягко провожу большим пальцем по тыльной стороне его руки — по коже, жестким костяшкам и рельефным венам.

— То, что тяжелый характер, — я уже поняла... — произношу я негромко, глядя прямо в его темные глаза. — Но я вижу, что ты просто так привык... Ты не знаешь, как можно по-другому. Я права?

Под моим мягким, размеренным поглаживанием его рука замирает.

Дмитрий опускает взгляд на наши сцепленные ладони посреди кухонного стола. Несколько секунд в тишине кухни слышно только мерное гудение старого холодильника в углу.

Он медленно поднимает глаза обратно к моему лицу.

Взгляд его становится глубже, жесткий прищур у внешних уголков глаз разглаживается.

— Права, — тихо, без малейшей попытки защититься или отшутиться отвечает он. — На все сто процентов.

Он поворачивает свою ладонь внутри моих рук вверх, перехватывая мои пальцы и сжимая их чуть крепче, но бережно.

— Когда пятнадцать лет подряд строишь бизнес с нуля, где тебя сожрут за любую слабину, привыкаешь держать удар и давить первым, — говорит он ровно, глядя на мои пальцы в своей руке. — А потом возвращаешься домой, где вместо тепла — холодная витрина, взаимные претензии и вечный подсчет очков. Там нельзя было ослабить хватку. Стоило просто выдохнуть — и тебя начинали либо использовать, либо ломать. Со временем это въедается под кожу. Забываешь, что бывает иначе.

Психолог: Говорила же: травмированный. Ему просто нужно в терапию.

Женщина 30+: И тепла.

Стратег: Ну мы не армия спасения. Обслуживать его травмы за счёт нашей психики мы не будем.

Женщина 30+: Да.

Он берет другой рукой свою чашку, делает большой глоток горячего крепкого чая, ставит ее обратно на стол и вдруг тянет мои ладони на себя.

Поднеся мою правую руку к своему лицу, Дмитрий при-

жимается горячими сухими губами к тонкой коже на внутренней стороне моего запястья — прямо там, где бьется пульс. Он не отрывает губ секунду, выдыхая в мою кожу, а затем смотрит на меня поверх моих пальцев.

— С тобой мои правила не работают, — глухо произносит он, не выпуская моего запястья. — Ты не прогибаешься и не воюешь со мной. Ты просто берешь и кормишь меня картошкой, включаешь свою попсу в машине и наливаешь чай на кухне.

Уголок его губ едва заметно дергается вверх.

— И что ты со мной делать собираешься, раз так хорошо меня видишь? — спрашивает он, удерживая мою руку у своей щеки.

Что можно делать с диким зверем?

— Ну, видимо, приручать... — с мягкой усмешкой произношу я.

Дмитрий замирает на секунду, глядя на меня поверх моих пальцев, а затем из его груди вырывается короткий, низкий смешок.

Он медленно разжимает пальцы, отпуская мое запястье, и берет со стола свою кружку. Деревянный табурет едва слышно поскрипывает, когда он откидывается чуть назад, расправляя широкие обнаженные плечи, и делает неторопливый глоток крепкого черного чая.

Женщина 30+: Ну я же просила не задеть самолюбие!

Психолог: Я попыталась мягко.

Стратег: Переживет.

— Приручать, значит? — переспрашивает он, опуская кружку обратно на столешницу. Он прищуривается. — Смелая заявка. Только учти на берегу: домашний питомец из меня паршивый. Если я беру что-то с руки, то обычно прихватываю вместе с самой рукой.

Испугал, тоже мне. Он еще не видел, что бывает, когда меня пытаются засунуть в клетку и подчинить. Удачи, парень.

Он кладет обе руки на стол, сцепляя пальцы в неплотный замок, и с откровенным интересом изучает меня через узкую столешницу — растрепанные после душа влажные темно-русые пряди, падающие на плечи, край белого махрового полотенца на груди и мою кружку со сладким чаем.

— И какая у тебя программа дрессировки? — спрашивает он, чуть наклоняя голову к плечу, и кончиком указательного пальца двигает по столу мою чайную ложку, лежащую на салфетке. — Заставишь пить чай с двумя ложками сахара или с утра пораньше снова повезешь меня на своей машине под Тима Даниленко?

Дрессировки. Смотрите, он путает даже такие вещи. Я ведь сказала «приручать», а он сразу в более агрессивную форму перевёл.

Психолог: Типично.

Стратег: Я промолчу. Не эскалируем.

Женщина 30+: Я скажу.

— Такая, от которой ты сам не захочешь отказаться..

Я нежно сжимаю его пальцы и подношу чашку к губам, делая глоток теплого сладкого чая.

Дмитрий следит за моим движением, и в углу его рта появляется короткая усмешка.

— Даже не сомневаюсь, — говорит он. — Учитывая, что я сижу в твоем полотенце на твоей кухне посреди ночи и пью чай из пакетика, процесс у тебя идет вполне успешно.

Он допивает свой чай в два больших глотка, ставит пустую кружку на стол и поднимается с табурета.

Обойдя узкий стол, Дмитрий останавливается прямо перед моим диванчиком. Он чуть наклоняется вперед, упираясь одной рукой в спинку дивана за моим плечом, а второй берет у меня из пальцев недопитую чашку и отставляет ее обратно на столешницу.

От его кожи близко тянет теплом после душа и терпким черным чаем. Он смотрит на меня сверху вниз, задерживая взгляд на моих влажных от чая губах, а затем переводит глаза в мои.

— Только учти: если берешься приручать, кормить тоже придется регулярно, — произносит он негромко, а его свободная ладонь ложится мне на голое колено под краем полотенца, чуть сжимая кожу. — У тебя в холодильнике есть что-нибудь на утро, или мне сразу заказывать доставку, когда проснемся?

Психолог: Он хотя бы не строит из себя альфу 24/7. Вот про еду заговорил.

Женщина 30+: Мне не нравятся его сомнения в нашей хозяйственности.

Стратег: Брось, могла бы увидеть заботу об утре.

Женщина 30+: Стоп. Я пропустила тот факт, что он остаётся!

Скептик: Да это уже и ежу было понятно, дорогая.

Женщина 30+: Вы меня своими разговорами о контроле отвлекаете от самого важного!

— В этом доме всегда есть чем накормить голодного мужчину... — произношу я, глядя на него снизу вверх с мягкого кухонного диванчика.

Я перевожу взгляд на его губы.

Он ловит мой взгляд. Его дыхание становится глубже. Уголок губ Дмитрия медленно ползёт вверх. Он не сводит с меня тяжёлого, потемневшего взгляда. Опираясь руками о спинку диванчика по обе стороны от моих плеч, Дмитрий нависает надо мной, раздвигает своим коленом мои голые бёдра и встаёт прямо между ними. От его чистой, разогретой после душа кожи тянет жаром и лёгким запахом геля. На левой стороне его шеи, у самого основания, в полумраке отчётливо темнеет след от моих зубов.

Он наклоняется и накрывает мои губы медленным, глубоким, тягучим поцелуем. Если в первый раз он брал меня с налёта, почти вслепую от долгого ожидания, то сейчас он откровенно смакует: его горячий язык неспешно исследует мой рот, губы мягко прихватывают мою нижнюю губу, отче-

го по всему телу разливается густое, томное тепло. Мои ладони сами ложатся на его голый, твёрдый живот и скользят выше, по рельефной груди к широким плечам.

Не отрываясь от моих губ, Дмитрий берётся за уголок махрового полотенца у меня на груди, медленно тянет его в сторону и раскрывает до конца. Влажная ткань соскальзывает вниз, оставаясь лежать под моей поясницей.

Он разрывает поцелуй и опускает взгляд на мою обнажённую грудь. Его тёплые, широкие ладони неспешно проводят от моей талии по рёбрам вверх, обхватывают упругую плоть, а большие пальцы мягко, но настойчиво оглаживают розовые соски, которые тут же набухают и твердеют под его прикосновением.

— Значит, приручать меня собралась, — низко, с лёгкой хрипотцой произносит он, наклоняясь и проводя горячим языком по ложбинке между моих грудей, а затем медленно обводя кончиком языка мой сосок. — Начнем прямо здесь, на кухне, или мы все-таки дойдем до кровати?

— Надеюсь добраться до кровати, если ты не возражаешь... — выдыхаю я.

— Не возражаю, — негромко отвечает он. — Кухонный стол у тебя для моих габаритов все равно узковат.

Я прерывисто вздыхаю, выгибаясь навстречу его рту и запуская пальцы в его влажные тёмные волосы, а он, легко подхватив меня одной рукой под спину, а другой под голые колени, поднимает с диванчика на руки. Полотенце остаётся

на кухне.

Прижимая меня, совершенно голую, к своей горячей груди и на ходу целуя в шею и плечо, Дмитрий несёт меня обратно в спальню. В комнате всё так же горит тёплый приглушённый ночник у изголовья. Он опускает меня на край разобранной постели, выпрямляется во весь свой высокий рост и одним движением сдёргивает с бёдер своё полотенце, отбрасывая его на пол.

Его член уже снова налит тяжёлой, плотной силой — длинный, с крупной потемневшей головкой и набухшими венами вдоль твёрдого ствола, он поднимается у живота и заметно подрагивает.

Дмитрий опускается на одно колено на край матраса между моих ног. Его ладони медленно, с ощутимым нажимом скользят от моих щиколоток вверх по икрам и внутренней стороне бёдер, разводя их шире, а сам он подаётся вперёд, прижимая свой горячий член к моему бедру и накрывая меня сверху. Его рука опускается вниз, но не торопится к моему паху — вместо этого он берёт мою правую ладонь и сам кладёт её на свой раскалённый ствол, накрывая мои пальцы своими.

Женщина 30+: Проблем с эрекцией у него точно нет. И такой большой..

— Чувствуешь, что ты со мной делаешь одним своим видом? — выдыхает он мне в губы, глядя прямо в глаза и медленно направляя мою руку вверх и вниз по своей твёрдой

длине. — Трогай меня. Я хочу чувствовать твои руки.

Мои пальцы плотно обхватывают его горячий, твёрдый ствол, и Дмитрий убирает свою ладонь с моей кисти, отдавая мне инициативу. Я закусываю нижнюю губу, опускаю взгляд вниз и начинаю неспешно, с ощутимым нажимом водить рукой вверх и вниз по всей его длине.

Кожа на его члене шелковистая, горячая и невероятно нежная.

От одного вида того, как мои тонкие пальцы скользят по его налитому члену, а я сама не отрываю от него глаз, у Дмитрия сбивается дыхание. Он чуть приподнимается на коленях между моих разведённых бёдер, опираясь одной рукой о матрас рядом с моим боком.

— Думала, одного раза хватит, чтобы меня отпустило? — Его темные глаза впиваются в мои, губы касаются моего подбородка, оставляя влажный след. — Хрен там. Мне мало тебя, слышишь? Я хочу еще.

Я тоже. Еще.

В тёплом боковом свете ночника его тело прямо передо мной: широкая грудь тяжело вздымается, мышцы живота напрягаются и вздрагивают при каждом движении моей ладони, а узкая тёмная дорожка волос уходит вниз, к самому основанию члена и подтянутым, тяжёлым яйцам. На предплечье его опорной руки от напряжения чётко проступает вена, а у основания шеи темнеет след от моего недавнего укуса.

Какой он красивый..

На крупной, потемневшей головке выступает прозрачная капля смазки. Я провожу по ней большим пальцем, размазывая влагу по чувствительному ободку и уздечке, и из груди Дмитрия вырывается низкий, гортанный стон. Он прикрывает глаза на секунду, шумно втягивая воздух сквозь приоткрытые губы, а его таз непроизвольно подаётся вперёд, навстречу моей руке, проталкивая твёрдый ствол глубже в мой кулак.

— Блядь... — хрипло выдыхает он, снова открывая глаза и глядя сверху вниз на моё лицо, на закушенную губу и на то, как я ласкаю его. — Как же охуенно ты меня трогаешь... Я бы часами смотрел, как твоя рука ходит по моему члену.

Его свободная рука поднимается к моему лицу, большой палец с нажимом проводит по моей нижней губе, высвобождая её из-под моих зубов, и тут же скользит ниже — по шее к моей груди, сжимая упругую плоть и перекатывая пальцами твердый сосок.

Дмитрий двигает бёдрами в такт моей руке, явно кайфуя от каждого моего касания, и подаётся чуть ближе. Горячая головка его члена в моей ладони почти касается моего живота и нижних рёбер.

— Ещё немного так посмотришь на меня снизу вверх, — низко, с хрипотцой произносит он, не отрывая тяжёлого, потемневшего взгляда от моих губ, — и я вообще забуду про всякую неспешность.

Я не убираю взгляд и не сбавляю темп — наоборот, чуть

плотнее сжимаю пальцы вокруг его раскалённого ствола, проворачивая кисть на самой верхушке, там, где кожа особенно чувствительная и влажная от выступившей смазки. Я кладу вторую ладонь на его напряжённое бедро, ощущая под пальцами горячую кожу и то, как двигаются его мышцы.

Дмитрий шумно выдыхает сквозь зубы, его веки полуопускаются от удовольствия, а по животу пробегает заметная дрожь. Он подаётся ниже, опираясь левым предплечьем о подушку рядом с моей головой, так что его широкая грудь нависает прямо над моей, а мой кулак с зажатым в нём членом оказывается между нашими телами.

— Чёрт.. вот так, — глухо произносит он, и его голос звучит низко, немного севше. — Не останавливайся. Как же приятно, твою мать..

Он начинает медленно, плавно двигать тазом, проталкивая свой твёрдый член сквозь мои сжатые пальцы. С каждым его движением крупная, влажная головка скользит по коже моего живота, оставляя на ней горячие влажные следы. Я чувствую вес его тела, жар, идущий от его груди, и сбившееся дыхание на своей шее.

Дмитрий наклоняет голову и ловит мои губы в глубокий, неспешный поцелуй. В нём нет прежней спешки — он целует меня долго, со вкусом, то втягивая мою нижнюю губу, то проникая языком в мой рот, и глухо стонет прямо в поцелуй, когда мои пальцы спускаются к самому основанию его ствола и слегка касаются подтянутых, тяжёлых яиц.

Одновременно его правая рука скользит от моей груди вниз по животу и уходит между моих разведённых бёдер. Пальцы проводят по гладкой коже ног, находят мои губы и легко скользят по горячей смазке.

— Ты сама вся мокрая от того, что трогаешь меня, — выдыхает он мне в губы с довольной усмешкой, и его подушечка пальца начинает медленно, с тягучим нажимом кружить по моему набухшему клитору.

С моих губ срывается тихий, прерывистый вздох, бёдра сами приподнимаются навстречу его ладони, а рука на его члене невольно сжимается крепче. Дмитрий отрывается от моих губ, спускается поцелуями по моей шее к груди, обхватывая губами твёрдый сосок и лаская его языком, а два его пальца в этот же момент плавно, глубоко входят внутрь меня, начиная двигаться в одном тягучем ритме с тем, как его собственный таз толкается в мою ладонь.

Когда мои пальцы сжимают его раскалённый ствол чуть крепче, Дмитрий издаёт низкий, гортанный стон прямо мне в грудь. По его животу и бёдрам проходит напряжённая волна, и он поднимает голову, глядя на меня сверху вниз потемневшими, чуть прищуренными глазами.

Его свободная рука перехватывает моё запястье прямо на его члене. Пальцы Дмитрия смыкаются вокруг моей тонкой кисти — плотно, но не грубо, останавливая моё движение.

— Достаточно, — негромко, с мягким властным нажимом произносит он, медленно разжимая мои пальцы на своём на-

литом, влажном стволе. — Иначе я кончу прямо так.

Не отпуская мою руку, он ведёт её вверх по своему телу и сам укладывает мою ладонь себе на широкое плечо, поверх твёрдой, горячей мышцы.

— Держись за меня. Дальше я всё сделаю сам.

Дмитрий плавно вынимает из меня два мокрых от моей смазки пальца. Выпрямившись на коленях между моих бёдер, он проводит этой влажной рукой по своему члену от основания до крупной, потемневшей головки, распределяя мою влагу по натянутой коже и тихо, сквозь зубы выдыхая от собственного касания.

Затем его широкие ладони ложатся под мои колени. Спокойным, уверенным движением он сгибает мои ноги и разводит их широко в стороны, полностью открывая меня перед собой в тёплом свете ночника. Его взгляд скользит по моим распахнутым бёдрам и влажным губам, а потом поднимается прямо к моему лицу.

Он подаётся вперёд, нависая надо мной на прямой руке, а второй направляет свой тяжёлый, горячий член к моему входу. Влажная головка с нажимом скользит вверх-вниз по моим губам, собирая смазку и ощутимо задевая клитор.

Широкая ладонь Дмитрия ложится на косточку моего таза и с мягкой, но непреодолимой силой прижимает меня к матрасу, не давая мне двигаться.

— В этот раз ты будешь принимать меня так медленно, как я скажу. Смотри на меня и чувствуй каждый сантиметр.

Удерживая меня ладонью, Дмитрий медленно, с тягучим, неотвратимым нажимом подаётся тазом вперёд. Крупная головка туго раздвигает мои влажные стенки, и за ней миллиметр за миллиметром начинает входить его толстый, раскалённый ствол. От такой медлительности ощущение заполненности становится почти невыносимо острым: я чувствую каждую выпуклую вену на его коже, каждую пульсацию его члена внутри себя.

У самого Дмитрия от этого медленного погружения скулы каменеют, а дыхание становится глубоким и прерывистым. Он явно ловит острый кайф от того, как моё тело обхватывает его всё плотнее и как с моих приоткрытых губ срывается протяжный, дрожащий стон. Войдя до самого основания и плотно прижавшись пахом к моему клитору, он замирает, удерживая меня под собой, и медленно проворачивает бёдрами по кругу, заставляя свой член сдвинуться в самой глубине.

— Блядь, как же хорошо внутри тебя... — хрипло выдыхает он, глядя прямо в мои глаза. — Ни на миллиметр не пускаешь без сопротивления. Ну что, чувствуешь меня целиком?

Я судорожно киваю, держась за его плечи.

Дмитрий едва заметно усмехается уголком губ. В его тёмных глазах — чистое, собственническое удовольствие.

— Голосом, — негромко, с мягким нажимом произносит он, скользя ладонью с моего бока вверх по рёбрам и накры-

вая мою грудь, где под его пальцами быстро колотится моё сердце. — Я хочу слышать твой голос.

Он медленно отводит бёдра назад, вытягивая свой раскалённый, блестящий от моей смазки ствол почти до самого конца — оставляет внутри только крупную головку, выдерживает короткую, томительную паузу и плавно, тяжело вдавливается обратно до упора.

С моих губ тут же срывается протяжный, громкий стон, а пальцы крепче сжимают его горячие плечи. Под моими ладонями перекатываются твёрдые мышцы: я чувствую всю сдерживаемую мощь его рук и спины, которой он удерживает свой вес надо мной, не позволяя себе сорваться раньше времени.

— Вот так... моя умница, — хрипло выдыхает он, и его взгляд на несколько секунд опускается вниз, туда, где его тёмный, налитый кровью член с влажным звуком уходит в мои раскрытые губы и медленно появляется обратно. От этого зрелища его дыхание становится тяжелее, челюсти сжимаются, а из груди вырывается низкий, довольный рык: — Блядь, я не могу насмотреться на то, как ты меня принимаешь... Как твоё тело обтягивает мой член.

Дмитрий задаёт неспешный, тягучий и невероятно глубокий ритм. Каждый его толчок — это долгое, плотное скольжение по всей длине, за которым следует тяжёлый проворот тазом в самой глубине, так что его жёсткий пах раз за разом с нажимом растирает мой набухший клитор.

Он опускается ко мне грудью, прижимаясь горячей кожей к моим затвердевшим соскам, и подхватывает мои ноги под колени, закидывая их выше — себе на сгибы локтей. Угол тут же меняется: мои бёдра оказываются приподняты над матрасом, а его ствол плотнее проходит по самой чувствительной передней стенке.

Я начинаю плавно подаваться тазом навстречу его движениям, выгибаясь в пояснице и ловя губами его рот. Дмитрий охотно отвечает на мой поцелуй: его язык горячо и властно сплетается с моим, он пьёт мои стоны прямо с губ, а темп его бёдер постепенно, шаг за шагом начинает набирать тяжесть и скорость.

Отрываясь от моего рта и переходя горячими поцелуями на мою шею и ухо, он делает несколько более резких, сильных толчков подряд, проверяя мою реакцию, и глухо шепчет мне прямо в кожу:

— Обхвати меня ногами за поясницу и держись крепче... Сейчас нежно уже не будет.

— Да.. Боже, да.. Как хорошо, — выдыхаю я.

Я обхватываю его горячую поясницу ногами, скрещивая лодыжки у него за спиной, и от моего прерывистого, сорвавшегося шёпота в глазах Дмитрия вспыхивает тёмный огонь.

Он перехватывает меня одной рукой под ягодицу, приподнимая мой таз ещё выше навстречу себе, а второй ладонью с силой упирается в матрас у моего плеча. Дмитрий начинает вбиваться в меня мощными, размашистыми, глубоки-

ми толчками, вкладывая в движение всю силу своих бёдер и пресса.

Сразу меняется и звук, и глубина. В спальне становится жарко и громко от наших сбитых выдохов, влажного хлюпанья обильной смазки и тяжёлых, ритмичных ударов его паха о мои бёдра. При каждом толчке его твёрдый, раскалённый ствол до предела растягивает мои стенки и достаёт до самой глубины, а основание члена с силой притирается к набухшему клитору.

Дмитрий смотрит на меня сверху вниз, не мигая: его широкая грудь и плечи блестят от выступившей испарины, тёмные пряди волос на висках взмокли, а губы приоткрыты. Он ловит откровенный, хищный кайф от каждого моего вздрагивания под ним, от того, как моя грудь с твёрдыми сосками колышется и трётся о его грудь при каждом ударе.

— Блядь... послушай себя... — хрипит он, наклоняясь к моему лицу и обжигая мои губы горячим дыханием. — Как же ты стонешь подо мной... Я бы трахал тебя так всю ночь без перерыва.

Он ускоряется ещё сильнее. Напор его тела становится таким мощным, что ножки кровати с глухим скрежетом начинают сдвигаться по полу, шаг за шагом отъезжая от стены с каждым его тяжёлым толчком.

Внутри меня всё сводит от нарастающего, почти невыносимого удовольствия. Мои руки скользят с его плеч дальше, на его широкую, влажную от пота спину. Не в силах сдержать

накрывающую волну, я выгибаюсь под ним и с силой впиваюсь ногтями в его напряжённые лопатки — провожу ими вниз по горячей коже, оставляя глубокие, саднящие полосы.

От острой боли в спине Дмитрий резко, со свистом втягивает воздух сквозь стиснутые зубы. Его мышцы под моими ладонями вздрагивают, но вместо того чтобы остановиться, он заводится от этого ещё сильнее — из его груди вырывается низкий, гортанный рык.

— Дикая, блядь... дерешься?.. — выдыхает он мне прямо в рот, на секунду впиваясь в мои губы жёстким, жадным поцелуем, и тут же снова вгоняет свой член в меня до самого упора, заставляя кровать содрогнуться и съехать ещё дальше от стены. — Чей это член сейчас в тебе так глубоко? Говори! Чувствуешь, как меня сейчас разорвёт внутри тебя?!

— Твой! Да, ещё, Дима! — восклицаю я.

От того, как я выкрикиваю его имя, лицо Дмитрия темнеет, а взгляд становится совсем шальным. Я снова впиваюсь ногтями в расцарапанную кожу на его лопатках, притягивая его к себе, и он с глухим рыком обрушивает на меня всю свою силу.

— Мой член, да.. Вот так, — хрипит он сквозь стиснутые зубы, глядя прямо в мои глаза, пока пот катится по его виску и шее. — Повторяй моё имя ещё... Блядь, как же меня кроет от твоего голоса!

Он перехватывает меня обеими руками за бёдра и ягодицы, буквально насаживая моё тело на каждый свой встреч-

ный удар. Толчки становятся такими мощными и частыми, что изголовье кровати с глухим стуком и скрежетом окончательно отъезжает от стены сантиметров на десять.

Его твёрдый, до предела разбухший член колотится в самую глубину, не оставляя мне ни вдоха передышки. Внутри всё горит от трения и обильной горячей смазки, а его жёсткий пах при каждом ударе с силой вжимается в мой набухший клитор.

Дмитрий опускает одну руку между нашими телами: его большой палец находит мой клитор и начинает быстро, с сильным нажимом растирать его в такт бешеным толчкам его бёдер. От этого двойного напора меня начинает стремительно накрывать — дыхание рвётся на части, мышцы живота сводит сладкой судорогой, а мои внутренние стенки начинают пульсировать и ритмично сжимать его раскалённый ствол.

— Смотри, как ты течешь на меня... — низко шепчет он мне на ухо, и его хриплый голос вибрирует у самой моей барабанной перепонки в такт толчкам. — Вся мокрая... сжимаешь меня так, будто никогда не выпустишь.

Никогда.

Дмитрий запрокидывает голову на секунду — на его напряжённой шее рядом со следом от моего укуса резко выделяются вены, с губ срывается низкий, протяжный стон, — и тут же снова прижимается лбом к моему лбу, тяжело и рвано дыша мне прямо в рот.

Я чувствую, как его член внутри меня наливается до предела и начинает ощутимо подрагивать, готовый вот-вот взорваться. Мои стоны становятся все откровеннее и громче.

— Давай, — выдыхает он сквозь стиснутые зубы. — Сожми меня. Ломай меня до конца. Сейчас.

— Давай... кончай в меня, Дима... — выдыхаю я.

В эту же секунду под быстрым, жёстким нажимом его пальца на клиторе и мощными ударами внутри меня накрывает лавиной. Дыхание перехватывает, я выгибаюсь под ним всем телом, снова впиваясь ногтями в его горячие, расцарапанные лопатки, и с моих губ срывается долгий, несдержанный крик. Мои внутренние стенки с такой силой сжимаются вокруг его раскалённого ствола, что у Дмитрия перехватывает горло.

— Блядь... Ви!.. — глухо, гортанно рычит он, вжимаясь лицом в мою шею.

Он делает ещё два сокрушительных толчка, до предела вгоняя свой член в пульсирующую глубину, и его крупное, тяжёлое тело накрывает мощная судорога. Я отчётливо чувствую, как его ствол внутри меня твердеет до каменного предела и начинает сильно, ритмично дёргаться, толчок за толчком заливая меня изнутри густой, обжигающей спермой.

С губ Дмитрия срывается низкий, хриплый стон. Даже кончая, он не замирает сразу — его бёдра продолжают тяжело, с нажимом двигаться вперёд, втискивая каждую последнюю каплю как можно глубже и растягивая наш общий ор-

газм до тех пор, пока у меня не начинает темнеть в глазах от остроты ощущений.

Когда последние спазмы затихают, он тяжело опускается на предплечья, накрывая меня сверху всей своей горячей, взмокшей грудью. Его сердце гулко и быстро бьётся прямо о мою грудь, а рваное, обжигающее дыхание щекочет мои губы и щеку. Несколько долгих секунд он просто лежит на мне, приходя в себя и лениво, мягко целуя уголок моего рта, а затем приподнимает голову и смотрит на моё раскрасневшееся лицо потемневшими, шальными глазами.

— Блядь... с тобой вообще невозможно держать себя в руках, — хрипло выдыхает он с короткой, усталой усмешкой. — Дышишь там?

Что это, блядь, было? Из меня как будто душу вынули, вытряхнули и засунули обратно. Давно меня так горячо и страстно не трахали.

— Не хочу перехвалить... но это был лучший секс в моей жизни, — шепчу я прерывисто, всё ещё чувствуя его внутри себя и проводя ладонями по его влажным плечам.

По лицу Дмитрия расползается откровенно довольная, собственническая ухмылка. Он чуть поводит широкими плечами, ощутимо морщась от саднящей боли в расцарапанных лопатках, и косится на сдвинутое изголовье.

— Не хочешь перехвалить, значит? — низко переспрашивает он, глядя на меня сверху вниз. — То есть то, что у меня сейчас вся спина горит от твоих ногтей, а кровать уехала от

стены сантиметров на десять, — это ты ещё сдерживалась в комплиментах?

Он наклоняется и коротко целует меня в припухшие губы, после чего плавно подается бедрами назад, выходя из меня.

Его все еще тяжелый, полуэрегированный член медленно выскальзывает наружу, оставляя внутри пустоту, и по внутренней стороне моего бедра тут же медленно сбегает теплая, густая капля его спермы.

Дмитрий переводит взгляд вниз, не говоря ни слова, свешивается с края кровати и поднимает свое полотенце с пола. Спокойным движением он сам вытирает мягкой тканью кожу между моих ног и бедра, убирая влагу, и отбрасывает полотенце на пол.

Затем он перекатывается на спину рядом со мной — и в ту же секунду резко морщится, с коротким шипением втягивая воздух сквозь зубы, когда его расцарапанные в кровь лопатки вжимаются в простыню.

— Черт... — с коротким смешком выдыхает он, приподнимая одно плечо от матраса, а другой рукой тут же подхватывает меня за талию и перетягивает к себе, укладывая мою голову себе на грудь. — Дикая. Ты мне реально кожу на спине спустила.

Он нащупывает одеяло на кровати, натягивает его на нас обоих до плеч и закидывает свободную руку себе за голову на подушку. Вторая его ладонь тяжело и тепло ложится на мое голое бедро, лениво поглаживая кожу большим пальцем.

— Что касается лучшего секса в твоей жизни... — негромко говорит он. — Привыкай. Сдавать позиции я не планирую. Сколько там сейчас на часах? У тебя завтра есть заказы днем или ты свободна?

Я поворачиваю запястье — экран часов на секунду загорается в полумраке, высвечивая «02:04», и снова гаснет.

— Два ночи. И нет, на завтра заказов нет. А у тебя завтра есть дела?

Дмитрий переводит взгляд на мою руку. Он поднимает ладонь с моего бедра, берется пальцами за ремешок часов на моем запястье, расстегивает застежку и аккуратно снимает их. Дотянувшись свободной рукой до прикроватного столика, он кладет часы на него.

— Даже часы снять не успела, — с короткой усмешкой замечает он, возвращая ладонь к моей руке и проводя большим пальцем по слабой полоске на коже, оставшейся от ремешка.

Он на пару секунд задумывается, глядя перед собой в полутемную комнату, и отвечает спокойно, прикидывая расклад:

— В воскресенье в офисе и на объектах меня никто не ждет, если не случится форс-мажора. Но пара дел есть. Во-первых, моя машина осталась за городом у Максима — нужно будет ее забрать. Во-вторых, придется заехать к себе: взять вещи на первое время и спокойно, без свидетелей проговорить со Светланой условия разъезда. Вчерашней фут-

болки на полу в твоей спальне мне надолго не хватит.

Дмитрий поворачивает голову на подушке и перекладывает ладонь мне на талию, чуть притягивая ближе к своему боку.

— Но с утра пораньше я никуда срываться не собираюсь, — добавляет он. — Сначала выспимся и позавтракаем. Или у тебя на этот выходной были свои планы, в которые я не вписываюсь?

Стратег: Развод, документы, юристы, бывшая жена, дележка имущества.. Да-а, знатно мы вторглись в его жизнь.

Психолог: Интересно.. Контролирующий тип за один вечер перевернул свою жизнь вверх дном. И лежит довольный. Отмечаю силу его характера. Его не так-то просто прогнуть внешними обстоятельствами.

Женщина 30+: Меня больше волнует, что он думает делать дальше. Он поедет жить в отель, к нам, или еще куда-то? Спросим?

Стратег: Спросим. Только не выдаем варианты. Сам скажет.

Психолог: Он, кстати, вопрос задал с контекстом «скажи, что я для тебя важен». Манипуляция.

Стратег: Слышу.

— Жизнь у тебя вверх дном перевернулась за один вечер... — говорю я, глядя на него. — Ты уже решил, что будет дальше?

Дмитрий не сразу отвечает. Его ладонь на моей талии ле-

жит неподвижно и тепло, пальцы чуть ощущают мое дыхание. В полумраке видно, как спокойно и сосредоточенно он смотрит куда-то поверх моей головы, складывая в уме картину предстоящих дней.

— Она не перевернулась. Она наконец встала на свое место, — произносит он ровно. — То, что случилось за городом, — это просто финал процесса, который шел последний год. Я давно понимал, что этот брак мертв, просто не было повода резать прямо сейчас. А сегодня этот повод появился.

Он поворачивает голову, встречаясь со мной взглядом вплотную.

— Если ты про быт и юридическую часть — тут все просто, — продолжает он деловым, размеренным тоном. — Завтра соберу основные вещи и перееду в свою городскую квартиру на Пресне, она пустует. В понедельник подключу юристов, чтобы подготовили соглашение о разделе имущества. Детей у нас нет, делить бизнес я не позволю, а загородный дом и отступные оставлю Светлане без торгов — мне проще заплатить и закрыть вопрос быстро, чем тянуть грязь месяцами.

Его пальцы на моем боку чуть сжимаются, он сдвигает ладонь выше, поглаживая мои ребра, и в его голосе появляется более низкая, личная нота:

— А вот что касается нас с тобой... — Дмитрий чуть прищуривается, разглядывая мое лицо в мягком свете ночника. — Тут я тоже все решил. Терять время на долгие ухажива-

ния на дистанции и встречи раз в неделю я не буду. Я хочу, чтобы ты была рядом. Но давить и перевозить твои вещи к себе завтра утром я не стану — знаю, что ты упрямая и тебе нужно свое пространство. Так что начнем с простого: завтра вечером, когда я разберусь с машиной и вещами, я заберу тебя к себе. Или приеду сюда с нормальным ужином. Какой вариант тебя меньше пугает?

— «Не давить» — это, по-твоему, забрать меня не утром, а подождать до вечера? — Чуть усмехаюсь я. — И что значит «я заберу тебя к себе»?

Грудь Дмитрия под моей щекой вздрагивает от короткого смеха. Он поворачивает голову ко мне.

— Для моих обычных темпов подождать до вечера — это почти образец выдержки, — спокойно признает он, ничуть не смущаясь. — Могла бы и оценить.

Его пальцы на моих ребрах начинают неторопливо перебирать кожу, поднимаясь к плечу и обратно. Он чуть сдвигается на подушке, подкладывая согнутую в локте руку себе под голову, чтобы лучше видеть мое лицо.

— А «заберу к себе» значит ровно то, как это звучит, — продолжает он прямым, уверенным тоном. — Я заеду за тобой вечером, посажу в машину и привезу в свою квартиру на Пресне. Покажу, где я живу, накормлю ужином и оставлю у себя на ночь. Без переезда с чемоданами и сдачи твоей квартиры хозяйке прямо с порога.

«Посажу, привезу, накормлю, оставлю». Отличный набор

домашнего тирана.

Психолог: По краю ходит.

Стратег: Пока приемлемо. По крайней мере, не давит с переездом. Вслух.

Дмитрий чуть прищуривается, перехватывая пальцами прядь моих темно-русых волос, упавшую ему на ключицу, и медленно наматывает ее на указательный палец.

— Или ты решила, что я тебя под замок посажу и ключи от твоей машины отберу? — с легкой усмешкой спрашивает он, дернув за кончик пряди. — Говори прямо, как ты себе представляешь завтрашний вечер. Я слушаю.

— Вообще не знаю, чего от тебя ждать, поэтому и уточняю, — говорю с улыбкой.

Я кладу ладонь ему на грудь и медленно веду пальцами по гладкой, горячей коже. Как приятно к нему прикасаться..

— Ладно. В гости, значит. В гости я согласна. Ужин. Только не нужно слишком мудрить с едой, ладно?

Дмитрий опускает взгляд, наблюдая, как моя узкая ладонь скользит по его телу, и в его глазах мелькает теплая усмешка.

— Договорились. Никаких сложных блюд, — спокойно обещает он. — Куплю нормальные стейки и пожарю сам. И картошку на гарнир.

Он накрывает мою блуждающую ладонь своей широкой рукой, останавливая ее прямо у себя на груди, там, где ровно и мощно бьется сердце.

— А насчет того, чего от меня ждать... — Дмитрий чуть

сдвигается, удобнее устраивая мое плечо у себя под мышкой.
— Правильно делаешь, что уточняешь. Я не люблю ребусы, намеки и женские игры в молчанку. Если я слишком давлю или тебя что-то не устраивает — говори прямо, как сейчас. Со мной так гораздо проще договориться.

Он приподнимается на локте, тянется свободной рукой через меня к тумбочке у изголовья и нащупывает пальцами кнопку приглушенного ночника, но не нажимает ее сразу, а смотрит на меня сверху вниз:

— Свет гасить или оставим?

— Выключай... — говорю я.

Раздается сухой щелчок тумблера, и мягкий свет ночника гаснет.

Дмитрий опускается обратно на подушку, устраиваясь на боку лицом ко мне, и я в темноте тянусь к нему, касаясь губами его губ — нежно, мягко и спокойно.

Его губы теплые и расслабленные; он отвечает на мой поцелуй так же неторопливо, приоткрывая рот и мягко сжимая мои губы в ответ, а его широкая ладонь ложится мне на шею сбоку, большим пальцем легко поглаживая линию скулы.

Нежный, мягкий и теплый.. Боже, ну почему то, что он говорит, и то, какой он тактильно, настолько разное?!

Женщина 30+: Слава богу, что во сне он будет молчать.

Когда поцелуй заканчивается, Дмитрий не убирает лица — остается на расстоянии пары сантиметров, ровно и глубоко дыша. Затем он чуть сдвигается, подтягивает сбившее-

ся одеяло выше к моим плечам, закрывая спину, и тяжелой рукой перехватывает меня поперек талии, прижимая к себе вплотную.

Он устраивает подбородок у меня на макушке, переплетает свои ноги с моими и негромко говорит в темноте:

— Будильник на утро даже не вздумай ставить.

Глава 3. Первое утро

Дневной свет пробивается сквозь узкую щель между шторами, ложась светлой полосой на ламинат и край смятого одеяла.

Я просыпаюсь от ощущения тепла рядом.

Дмитрий занимает добрые две трети моей кровати. Он лежит на животе, повернув голову в мою сторону, а его рука перекинута поперек моей талии, прижимая меня к его боку. При свете дня в моей небольшой спальне он кажется еще крупнее: широкие плечи едва помещаются на подушке, а на коже его лопаток, открытых сползшим до поясницы одеялом, отчетливо видны длинные красные полосы от моих ногтей.

На прикроватном столике, прямо рядом со снятыми ночью часами, лежит экраном вниз его смартфон.

Уже просыпался?.. Боже, какой он приятный.. Лежать бы так и лежать.

Стоит мне пошевелиться, как его пальцы на моей талии сразу оживают. Его ладонь скользит под одеялом вниз по моему голому бедру, сжимая кожу. Он сдвигается вплотную, подтягивая меня к себе. Его прикосновения нежные, тягучие, сонные. Идеальное утро.

Дмитрий открывает глаза, чуть щурясь от дневного света. Он перекатывается на бок, закидывая ногу поверх моих го-

леней. Проводит небритой щекой по моему плечу к шее и спрашивает хриплым со сна голосом:

— Доброе утро, Ви. Выспалась?

— Выспалась, — говорю я с ленивой утренней улыбкой. — И очень приятное пробуждение.. Ты всегда такой по утрам?..

Я сладко потягиваюсь под тёплым одеялом и мягко обвиваю руками его широкую грудь и плечо, прижимаясь к нему всем телом. Мой живот и голое бедро упираются в его горячий, твёрдый утренний стояк, а щека ложится на его тёплую кожу, под которой ровно и спокойно бьётся сердце.

Дмитрий тихо, грудно усмехается, и эта вибрация отзывается в моей груди. В нём нет вчерашней лихорадочной спешки — его большое тело расслаблено после сна, движения плавные и ленивые. Он плотнее укрывает меня одеялом и смотрит сверху вниз долгим, тёплым взглядом. В утреннем свете, пробивающемся сквозь шторы, он откровенно любуется мной: моими растрёпанными со сна волосами, сонными глазами и мягкой улыбкой на припухших губах.

Его свободная рука неспешно скользит по моей обнажённой спине, оглаживает изгиб талии и поднимается к лицу. Он осторожно убирает прядь с моей щеки и проводит подушечкой большого пальца по скуле и уголку губ.

— Дело не в том, какой я всегда, — хрипловато со сна, но очень мягко произносит он. — Дело в том, что рядом ты.

Я чуть запрокидываю голову, встречаясь с его потемнев-

шими, внимательными глазами, и ласково провожу кончиками пальцев по его плечу.

— Я уже лет пять так не просыпался, — негромко признаётся он, продолжая невесомо гладить мою щёку и шею. — Открыл глаза полчаса назад, выключил звук на телефоне и поймал себя на том, что просто лежу и боюсь пошевелиться, чтобы тебя не разбудить. Отвык, что утром рядом может быть тепло. И что из постели не хочется уйти в душ в первую же секунду.

От его слов внутри разливается мягкое тепло. Я улыбаюсь, тянусь к нему и касаюсь губами его подбородка, колючего от густой утренней щетины, а затем целую в уголок рта. Дмитрий тут же откликается: поворачивает голову и накрывает мои губы своими в тягучем, неторопливом утреннем поцелуе, ласково прихватывая и сминая мою нижнюю губу.

Его ладонь крепче сжимает моё бедро, прижимая меня к себе, и в ответ на это движение моя рука медленно спускается от его груди вниз по животу. Я ныряю ладонью глубже под одеяло и мягко, уверенно обхватываю пальцами его горячий, налитой тяжестью член, ведя рукой вдоль твёрдого ствола, отчего Дмитрий прямо в мои губы выпускает низкий, полный чистого утреннего кайфа выдох.

Я не тороплюсь — моя ладонь скользит по горячему, бархатистому стволу плавно и размеренно, с лёгким нажимом огибая набухшую головку и растирая выступившую на ней прозрачную каплю смазки. Дмитрий не разрывает поцелуя,

только запускает пальцы в мои волосы на затылке и медленно, в такт моей руке, подаётся бёдрами вперёд. Его дыхание становится глубже и тяжелее, согревая мои губы и щёку, а под моими пальцами ощутимо бьётся частый, тугой пульс.

Мягко надавив свободной ладонью ему на грудь, я толкаю его на спину. Дмитрий охотно поддаётся, перекатываясь на подушки, и в ту секунду, когда его лопатки плотно прижимаются к простыне, он коротко втягивает воздух сквозь зубы — ночные царапины от моих ногтей отзываются горячим жжением. По его лицу скользит ленивая, невероятно довольная усмешка.

Я приподнимаюсь и перекидываю ногу через его бёдра, усаживаясь сверху. Одеяло сползает вниз, открывая меня утреннему свету, и взгляд Дмитрия тут же меняется — становится густым и жадным. Он укладывает обе широкие ладони на мои бёдра и медленно ведёт ими вверх по гладкой коже к талии и рёбрам, глядя на меня снизу вверх так, словно не может насмотреться. Его большие пальцы оглаживают нижний изгиб моей груди, поднимаются выше и ласково дразнят порозовевшие, чуткие соски, отчего по моей коже бегут мурашки.

— Какая же ты красивая с утра.. — хрипло выдыхает он, запрокидывая голову на подушку, когда я наклоняюсь к нему, опираясь одной рукой о матрас у его плеча, а второй продолжая неспешно ласкать его член. — Просто сойти с ума.

Я провожу кончиком носа и губами по его колючей скуле, спускаюсь к горячей пульсирующей жилке на шее и оставляю там влажный, тягучий поцелуй, чувствуя, как пахнет его нагретая сном кожа.

— Не хочется от тебя отрываться.. — тихо шепчу я прямо в его шею.

Дмитрий прикрывает глаза, и из его груди вырывается низкий, протяжный стон удовольствия. Его ладони спускаются на мои ягодицы, мягко, но властно сжимая их и прижимая меня плотнее к своему паху. Я убираю руку и подаюсь бёдрами вперёд, позволяя его твёрдому, горячему стволу лечь прямо между моих влажных, разгорячённых складок. Не спеша впускать его внутрь, я начинаю медленно покачивать тазом, скользя набухшим клитором и собственной горячей влагой вдоль его длины.

От этого мягкого, скользкого трения Дмитрий шумно выдыхает сквозь приоткрытые губы, его пресс под моим животом напрягается, а пальцы на моих бёдрах сжимаются ощутимее, помогая мне задавать это тягучее, дразнящее движение.

— Чёрт.. что ты со мной делаешь, — глухо произносит он, глядя прямо в мои глаза из-под полуопущенных век и чуть приподнимая таз навстречу каждому моему скольжению. — Иди ко мне.. хочу почувствовать тебя изнутри.

Я чуть приподнимаюсь на коленях, придерживаясь одной рукой за его плечо, а второй направляю его твёрдый, раска-

лённый член к самому входу. Сделав глубокий вдох, я медленно, сантиметр за сантиметром, опускаюсь на него сверху. Тугие, обильно увлажнённые складки мягко расступаются, обхватывая сначала широкую головку, а затем и весь горячий ствол до самого основания.

От этого плотного, обволакивающего жара у Дмитрия перехватывает дыхание. Он слегка запрокидывает голову на подушку, с губ срывается низкий, протяжный стон, а пальцы на моих бёдрах сжимаются крепче, принимая мой вес и помогая мне сесть до конца. Когда мои ягодицы плотно прижимаются к его паху, а внутри не остаётся ни миллиметра свободного пространства, я замираю на пару секунд, привыкая к этой сладкой, распирающей полноте и с удовольствием наблюдая за тем, как меняется его лицо.

Дмитрий открывает потемневшие, подёрнутые поволокой глаза и смотрит на меня снизу вверх с таким откровенным восхищением и кайфом, что внутри всё теплеет ещё сильнее. Я упираюсь обеими ладонями в его широкую грудь, чувствуя под пальцами горячую кожу и тяжёлый, частый стук сердца, и начинаю двигаться.

Сначала я задаю плавный, тягучий утренний ритм — мягко покачиваю бёдрами по кругу и вперёд-назад, втираясь набухшим клитором в основание его ствола. В утренней тишине спальни каждое моё движение сопровождается тихим, влажным скольжением и нашим общим сбивчивым дыханием. Мои волосы рассыпаются по плечам, я прогибаюсь в спи-

не, и Дмитрий буквально поедает глазами каждый изгиб моего обнажённого тела в полосе дневного света.

— Блядь.. — хрипло, на выдохе произносит он, не сводя взгляда с моего лица и полуприкрытых от удовольствия глаз. — Как же мне с тобой хорошо.. Ты бы видела себя сейчас.

Его таз начинает мягко и мощно подаваться вверх навстречу каждому моему движению вниз, отчего его член входит ещё глубже, выбивая из меня тихие, прерывистые вздохи. Его широкие ладони скользят от моих бёдер вверх по гладким бокам и накрывают мою грудь, покачивающуюся в такт толчкам. Он с жадным удовольствием сжимает упругую плоть, большими пальцами лаская и перекатывая затвердевшие соски.

Я прогибаюсь в пояснице навстречу его рукам, ускоряя темп и накрывая его ладони своими. Поймав моё движение, Дмитрий уводит одну руку вниз по моему животу, и его большой палец ложится прямо на мой чуткий, скользкий от смазки клитор, начиная мягко, в такт моим покачиваниям на его стволе, оглаживать его круговыми движениями.

От двойной ласки — глубокого, плотного трения внутри и мягких круговых движений его большого пальца по набухшему клитору — по низу моего живота прокатывается горячая, тягучая волна. Дыхание сбивается, с моих губ срывается более громкий, протяжный стон, и я невольно сжимаю его ствол внутренними мышцами, наклоняясь вперёд и цепляясь пальцами за его широкие плечи.

Почувствовав этот тугой спазм вокруг своего члена, Дмитрий глухо рычит сквозь зубы. Расслабленная утренняя нега в его взгляде сменяется густым, тёмным голодом. Не выходя из меня ни на сантиметр, он напрягает пресс и легко приподнимается на матрасе, подхватывая меня под спину и прижимая вплотную к своей груди.

В этом положении сидя, лицом к лицу, угол меняется, и он входит в меня ещё глубже, заполняя до самого предела. Я вскрикиваю, обхватывая его шею руками, а Дмитрий жадно ловит мои губы горячим, глубоким поцелуем, сжимая ладонями мои ягодицы и несколько раз мощно, плотно прокатывая меня на себе.

— Мне всё мало тебя.. — хрипло, прямо в мои губы выдыхает он, отрываясь на секунду и заглядывая в мои глаза. — Сколько ни трогай, не могу тобой надышаться. Хочу тебя по-другому.. повернись ко мне, иди сюда.

Он бережно приподнимает меня за бёдра — его горячий, блестящий от нашей общей влаги член выскальзывает наружу, оставляя внутри секунду томительной пустоты, — и мягко направляет меня, помогая перевернуться на кровати.

Я охотно поддаюсь его рукам: встаю на колени, опускаюсь грудью и локтями на простыню и расслабляю поясницу, прогибаясь в спине и приподнимая бёдра навстречу ему.

Дмитрий устраивается на коленях позади меня и на пару секунд замирает, оглаживая обеими ладонями мои ягодицы, изгиб талии и гладкую кожу спины. Я слышу за спиной его

тяжёлый, восхищённый стон. Он наклоняется, проводит колючей щекой вдоль моего позвоночника, оставляя горячий, влажный поцелуй между моих лопаток, и возвращается обратно.

— Какая же ты сладкая.. с ума сводишь, — низко произносит он, пристраивая набухшую головку к моим влажным, раскрытым складкам.

Удерживая меня одной рукой за талию, он плавным, но мощным движением бёдер входит в меня сзади сразу на всю длину, пока его пах плотно не прижимается к моим ягодицам. От новой, непривычно острой глубины я выдыхаю в подушку протяжное «а-ах..», комкая пальцами простыню, а сам Дмитрий прикрывает глаза, запрокидывая голову.

Он не срывается на грубость — даже в этой позе его движения остаются глубокими, чувственными и тягучими. Он качает бёдрами размеренно и сильно, с каждым толчком входя до самого упора, так что по спальне разносится мягкий, влажный звук соприкосновения нашей кожи. Я сама начинаю подаваться тазом назад, встречая каждое его движение и подстраиваясь под его ритм, а Дмитрий склоняется над моей спиной, прижимаясь горячей грудью к моим лопаткам. Он убирает мои волосы на одну сторону и целует меня в плечо и за ухом, пока его свободная рука скользит по моему животу вниз, возвращаясь пальцами к пульсирующему клитору.

Его пальцы легко находят мой набухший, скользкий от обильной смазки клитор и начинают ласкать его уверенны-

ми, ритмичными кругами, точно попадая в такт глубоким толчкам сзади. От того, как его горячая, широкая грудь прижимается к моей спине, а тяжёлое дыхание обжигает кожу за ухом, удовольствие становится густым и обволакивающим. Я поворачиваю голову на подушке и увожу одну руку назад, обхватывая пальцами его крепкое бедро, и сама начинаю ещё активнее подаваться тазом навстречу каждому его движению.

Дмитрий тут же ловит мой порыв: его ладонь скользит с моей талии, накрывает мою грудь и сжимает её, пока он продолжает размашисто, до самого основания входить в меня. Его губы скользят по моей щеке, находят уголок моего рта, и я отвечаю на этот неудобный, но оттого ещё более жаркий, жадный поцелуй, постанывая прямо в его приоткрытые губы.

— Блядь, Ви.. как же ты меня сжимаешь, — хрипло, срываясь на горячий шёпот у моей щеки, выдыхает он, ускоряя движения бёдер и чуть сильнее нажимая подушечками пальцев на мой клитор. — Такая узкая, мокрая.. Я в тебе просто растворяюсь. Давай, хорошая моя, не сдерживайся.. хочу чувствовать, как ты кончаешь на мне.

Его низкий голос у самого уха, быстрые, безошибочные движения пальцев внизу живота и глубокие, плотные толчки внутри складываются в одну невыносимо сладкую волну. Меня накрывает мощно и мягко одновременно: дыхание перехватывает, я выгибаюсь в пояснице, прижимаясь лопатка-

ми к его груди, и с моих губ срывается протяжный, звонкий стон. Внутри всё сжимается горячими, частыми пульсациями, плотно обхватывая его ствол.

— Дима! Сейчас! — не сдерживаюсь я.

Когда я содрогаюсь и сжимаю его изнутри, Дмитрий глухо, протяжно стонет, утыкаясь лицом в изгиб моей шеи и плеча. Он делает ещё несколько глубоких, сильных толчков, загоняя член до самого упора, и замирает, прижимая меня к себе обеими руками и изливаясь глубоко внутрь горячими, тяжёлыми толчками спермы. Я чувствую каждую пульсацию его тела, слышу его рваный выдох у моей кожи и то, как медленно спадает напряжение в его широких плечах, пока он покрывает нежными поцелуями моё плечо и затылок.

Спустя несколько долгих секунд он осторожно выскальзывает из меня — по внутренней стороне моего бёдра тут же сбегает тёплая капля нашей общей влаги — и мягко опускается вместе со мной на сбившиеся простыни. Перекатившись на бок, Дмитрий бережно разворачивает меня лицом к себе, притягивает в кольцо рук и натягивает одеяло нам обоим на плечи.

Он лежит совсем близко, глядя на моё раскрасневшееся лицо потемневшими, подёрнутыми тёплой поволокой глазами, и ласково убирает влажные пряди с моего лба и щеки, прежде чем коснуться губами кончика моего носа.

Я перевожу дыхание и с тихим, довольным смешком смотрю в его глаза:

— Вот теперь — доброе утро.

Дмитрий тепло усмехается уголком губ, притягивая меня ещё ближе к своей груди и неспешно поглаживая широкой ладонью мою спину под одеялом:

— Мне уже нравится, как оно начинается.

Он чуть поворачивает голову, косясь на прикроватный столик, где рядом со снятыми ночью часами лежит экраном вниз его смартфон, и снова возвращает взгляд ко мне.

— Судя по солнцу за шторой, утро мы уже благополучно проспали, там сейчас минимум полдень, — с легкой усмешкой замечает Дмитрий, проводя большим пальцем по моему нижнему ребру. — Полежим еще немного или пойдем в душ и проверим, что у тебя на кухне есть съедобного?

Женщина 30+: Я хочу спросить..

Скептик: Что?

Женщина 30+: Я сомневаюсь..

Скептик: В чем?

Женщина 30+: Что, он за всё это время в браке ни разу не встречал адекватных женщин? Он такой красивый, богатый, сильный. Почему за 8 лет это произошло впервые?

Психолог: И так крышесносно, по его словам. Спроси.

Я приподнимаюсь, опираясь на локти, смотрю на него и спрашиваю:

— Дим.. почему я? Неужели тебе не встречались нормальные девушки за это время? Почему вчера у тебя сорвало крышу так? Я не очень понимаю..

Усмешка сходит с лица Дмитрия. Его пальцы на моей талии замирают.

Он не пытается отшутиться или уйти от ответа. Несколько секунд он молча смотрит на меня снизу вверх, а затем чуть сдвигается, свободнее закидывая одну руку за голову на подушку, а второй ладонью обхватывая мое предплечье, которым я опираюсь о матрас.

— Встречались разные, — спокойно и прямо говорит он. — Только в том кругу, где я вращаюсь, у меня давно выработался иммунитет. На мероприятиях и в ресторанах я привык за первые две минуты замечать, что женщине нужно: пристроить свой проект, посчитать стоимость моих часов или занять место рядом для статуса. Та же холодная витрина, что была у меня дома. А заводить интрижки на стороне просто ради физиологии, врать и прятаться по отелям — это вообще не ко мне. Мне проще было закрыться в офисе и пахать на объектах до ночи.

Он проводит большим пальцем по коже моего предплечья от локтя к запястью.

— Я вчера ехал к Максиму с единственным желанием — отбыть обязательную программу за полтора часа и уехать, — продолжает Дмитрий, глядя прямо в мои глаза. — А потом спустился по лестнице и увидел тебя у стола. Ты спокойно разложила фишки, поймала мой взгляд и не стушевалась. На первой же раздаче увидела мой мусор с двойкой и семеркой — и промолчала. А когда я зажал тебя на кухне у холодиль-

ника, ты вместо того, чтобы хлопать ресницами или пугаться, глянула мне в глаза и приложила насчет Светланы так, что у меня впервые за черт знает сколько времени внутри все включилось.

Он переводит руку со сгиба моего локтя выше, к плечу, убирая упавшую прядь волос за мое ухо, и задерживает ладонь на моей шее.

— А окончательно крышу у меня сорвало, когда ты отказалась от пафосного меню у Марко, попросила обычную жареную картошку и повезла меня по Москве под свои песни в телефоне, — в его голосе слышится тепло. — В тебе нет ни грамма фальши. Ты просто живая. И когда ты вчера ночью в ресторане погладила мне палец там, где было кольцо, и сказала, что веришь мне.. я понял, что если сейчас отпущу тебя одну домой — буду полным идиотом.

Его пальцы на моей шее чуть сжимаются, большой палец касается моего подбородка, приподнимая его на миллиметр:

— Теперь понятнее, или ты все еще думаешь, что на твоем месте вчера могла оказаться любая другая?

Стратег: Технически — могла. Ну не любая. Но все равно не прям убедил.

Женщина 30+: Ну.. Не будем его допрашивать. По крайней мере его слова звучат искренне.

— Отчасти.

На мое короткое «отчасти» Дмитрий тихо, одними уголками губ усмехается — без обиды и без попытки немедленно

переубедить меня словами. Я опускаюсь обратно к нему, и он крепко обхватывает меня рукой поперек спины, прижимает к своей груди и утыкается подбородком в мои растрепанные волосы. Пару минут мы лежим молча. Под моей щекой бьется его сердце, а он перебирает мои волосы.

Я задумчиво вожу пальцами по его коже, обдумывая то, что он сказал. Причины, скажем честно, не прям особенные. Я просто вела себя так, как веду обычно. Не оглядываясь на то, что «скажут люди» или «так принято». И его это поразило. По крайней мере он точно был бы полным идиотом, если бы отпустил меня. В этом я с ним не спорю.

Спустя пару минут мы поднимаемся в душ.

В душе горячие струи быстро смывают с кожи следы утренней близости. Когда вода попадает на свежие полосы от моих ногтей на его лопатках, мышцы на его спине коротко вздрагивают, и он втягивает воздух сквозь зубы, но тут же поворачивается ко мне, забирая из моих рук лейку и помогая смыть пену с плеч.

Черт, его тело и запах сводят с ума. Как будто воплощение моих самых горячих фантазий в одном человеке. А эти скулы и глаза.. И этот мужчина теперь мой.

Женщина 30+: Наш. Весь.

Пока я в спальне натягиваю мягкую домашнюю футболку с шортами и собираю влажные на концах волосы, Дмитрий растирает голову полотенцем и надевает свои темные джинсы. Перед тем как выйти следом за мной, он забирает с при-

кроватного столика свой телефон, берет свои часы и на ходу разблокирует экран и бегло просматривает уведомления.

Я иду на кухню готовить завтрак и ставлю турку с кофе на двоих.

Спустя минут десять на кухне пахнет свежесваренным кофе. Шкварчит омлет, на разделочной доске лежат нарезанные овощи, подрумяниваются тосты, а у узкого горлышка турки уже начинает собираться плотная темная пенка.

Дмитрий заходит на кухню босиком, с голым торсом — при ярком дневном свете из окна следы моих пальцев на его плечах и спине выделяются особенно четко. Он кладет телефон и свои часы на край обеденного стола, подходит ко мне со спины и обнимает за талию поверх тонкого хлопка футболки, прижимаясь животом и грудью к моим лопаткам.

От этого объятия по телу разливается волна уютного тепла. Как давно я не чувствовала себя так. Спокойно, защищенно. Кажется, что весь остальной мир встал на паузу, пока он обнимает меня.

Он опускает голову, касается губами открытого участка кожи на моей шее прямо под собранными волосами и пару секунд просто дышит мной и густым кофейным ароматом.

— Сто лет не видел, чтобы кофе варили в настоящей турке, а не нажимали кнопку на кофемашине, — говорит он у моей шеи.

Заметив, что темная шапка пены в турке начинает дрожать и подниматься к самому краю, он не размыкает одной

руки на моей талии, а второй тянется к деревянной ручке и вовремя приподнимает турку над конфоркой, не давая кофе убежать.

Я на пару мгновений прикрываю глаза, растворяясь в этом уютном объятии и говорю негромко:

— Сто лет не чувствовала себя так в чьих-то руках..

Рука на моей талии ощутимо сжимается. Дмитрий отставляет турку на соседнюю холодную конфорку, выключает плиту и возвращает вторую ладонь ко мне, смыкая руки у меня на животе и притягивая меня спиной к своей груди плотнее.

Несколько секунд он просто стоит молча. Его подбородок опускается на мое плечо, его щека прижимается к моей, а выдох касается шеи.

— В чьих-то и не надо, — произносит он у самого моего уха, поглаживая меня сквозь тонкую ткань футболки чуть ниже ребер. — Привыкай к моим.

Он невесомо целует меня в висок, задерживаясь губами у линии волос, и только когда омлет на сковороде начинает чуть громче шкварчать, давая понять, что он полностью готов, Дмитрий мягко размыкает объятия.

Не отходя далеко, он тянется к верхнему шкафчику над мойкой — туда, откуда ночью уже доставал посуду, — берет две чашки и ставит их рядом с плитой. Пока я убираю сковороду с огня, он берет турку и аккуратно, в несколько заходов разливает кофе по чашкам, после чего прислоняется бедром

к краю столешницы в полушаге от меня, переводя взгляд на мое лицо.

Вчера вечером он точно так же стоял возле меня у стола в гостиной Анны и Максима. Весь такой хищник на охоте. А сейчас, посмотрите на него: домашний довольный кот.

Я наливаю в свою чашку молока и добавляю сахар, Диме ставлю стакан с водой. Раскладываю омлет по тарелкам, ставлю их на стол и сажусь есть.

— Приятного, надеюсь, ты такое ешь, — говорю с улыбкой.

Дмитрий берет со столешницы обе чашки, переносит их на стол у окна и садится напротив меня. Его взгляд задерживается на стакане холодной воды, который я поставила на стол, — его глаза заметно теплеют.

В ответ на мою улыбку уголки его губ мягко приподнимаются.

— Взаимно, — он делает глоток воды, затем пробует горячий, крепкий кофе через густую пенку и одобрительно кивает. — Если ты думаешь, что я питаюсь исключительно тартаром и черной икрой, то сильно меня недооцениваешь. Обычный горячий завтрак, который приготовили своими руками, а не принесли по меню или из доставки — я уже и забыл, когда такое было в последний раз.

Он берет вилку и принимается за омлет с тостами с аппетитом — сказываются и почти бессонная ночь, и наше долгое утро. Под столом его теплая босая ступня находит мою ногу

и легко прижимается к щиколотке, сохраняя это небрежное, домашнее касание, пока мы едим.

Расправившись со своей порцией, Дмитрий откладывает вилку на край пустой тарелки, берет чашку с кофе и откидывается на спинку стула. Солнечный свет ложится ему на плечо. Он допивает кофе и смотрит на свои часы, лежащие на углу стола рядом с телефоном.

— Через полчаса буду выдвигаться за город, — спокойно говорит он, ставя пустую чашку на блюдце. — Возьму такси до поселка Максима, заберу свою машину, а оттуда сразу поеду в дом. Соберу вещи на первое время и закрою разговор со Светланой, чтобы не тянуть резину. К шести-семи вечера уже должен полностью освободиться, закину сумки на Пресню и сразу приеду за тобой.

Мой телефон, оставленный на кухонной тумбе, начинает вибрировать и играть мелодию вызова. На загоревшемся экране высвечивается имя: «Даня». Я откладываю вилку, вытираю рот салфеткой и спокойно беру телефон.

Когда я беру трубку и подношу телефон к уху, в динамике на фоне приглушенного уличного шума и хлопка автомобильной двери сразу раздается бодрый, хорошо знакомый голос старшего брата. В тишине кухни его баритон пробивается из динамика достаточно отчетливо, чтобы Дмитрий уловил мужской тембр.

Дмитрий смотрит на меня, но звонок не комментирует. Он молча поднимается из-за стола, забирает обе пустые та-

релки с чашками и относит их в раковину, включая воду совсем тонкой, почти бесшумной струей.

— Алло, Ви, привет! — тем временем весело говорит в трубку Даня, и слышно, как у него в машине мягко гудит заведенный двигатель. — Ты как, все нормально? Слушай, я тут часа через два собираюсь к родителям заскочить на обед, мама уже с утра интересовалась, куда ты пропала. Ты как сегодня, без заказов? Захватить тебя по дороге?

— Доброе, Дань. Через два? Давай. Как раз день свободен. Буду тебя ждать.

— Отлично! — бодро отзывается Даня в трубке. — Маме тогда скажу, чтобы на тебя тоже рассчитывала. Наберу минут за десять, как буду подъезжать к твоему двору. Давай, до встречи!

В динамике раздаются короткие гудки, а в кухне внезапно становится очень тихо — тонкая струя воды в раковине уже перекрыта.

Дмитрий стоит в паре шагов от меня, прислонившись поясницей к краю столешницы у мойки, и медленно, сосредоточенно вытирает руки кухонным полотенцем. Он смотрит на меня уже совсем иначе, чем минуту назад за чашкой кофе: внимательно, словно складывая что-то в уме.

Он откладывает полотенце и скрещивает руки на груди, отчего свежие красные полосы на его плечах натягиваются.

— Интересный расклад, — произносит он, глядя на меня. — Я еще за порог выйти не успел, а у тебя уже, оказывает-

ся, совершенно свободный день, и ты через два часа ждешь какого-то Даню?

Психолог: Началось..

Стратег: Предсказуемо.

Психолог: Отличная возможность для калибровки.

Стратег: Ага. Про брата сразу не говорим.

Я кладу телефон на стол, откидываюсь на спинку стула и задумчиво кручу локон.

— Ты уже напридумывал себе, да?

Дмитрий переводит взгляд на мои пальцы, накручивающие прядь волос.

Он отталкивается от столешницы у мойки, делает два шага и останавливается вплотную ко мне. Опирается одной ладонью о край стола рядом с моим телефоном, а второй берется за верх спинки моего стула прямо у плеча, нависая сверху и отсекая все остальное пространство кухни. От него тянет жаром, чистой кожей после душа и свежесваренным кофе.

— Я не из тех, кто придумывает. Я опираюсь на факты, — произносит он, глядя на меня сверху вниз. — А факты простые: мужской голос в динамике и твое обещание ждать его через два часа. Хотя, судя по тому, с каким спокойствием ты сейчас сидишь и наблюдаешь за моей реакцией, карты у тебя на руках вполне безобидные.

Психолог: О, «обожаю» таких. Сначала сделал выводы через свою картину мира, потом наехал. Спросить — зачем? Он ведь лучше всех знает, что происходит.

Он убирает руку со спинки стула, перехватывает пальцами ту самую прядь волос, которую я кручу, и наматывает ее на палец, чуть натягивая и оставляя ладонь у моей щеки.

— Ты ведь понимаешь, что если не будешь доверять мне, у нас не получится ничего нормального? — я чуть сужаю глаза, глядя ему в глаза. — Каждый мужской голос в трубке будет для тебя раздражителем. Каждая встреча, о которой ты не знаешь, будет доводить тебя до.. не знаю чего.

Пальцы Дмитрия на моей пряди разжимаются, выпуская локон, но руку он не убирает — его ладонь ложится мне на щеку, а большой палец проводит по скуле.

Он внимательно слушает меня, не перебивая. На словах «у нас» он чуть улыбается, но лицо остается серьезным и сосредоточенным.

— Во-первых, мне нравится, что ты уже говоришь «у нас», — негромко произносит он, и жесткая складка у его губ разглаживается. — А во-вторых.. давай сразу без иллюзий. Спокойным и безразличным в таких вещах я не буду никогда. Когда мужчине плевать, чей голос звучит в трубке у его женщины и с кем она проводит свободный день — это не высокое доверие. Это мертвая пустота. Я в такой пустоте прожил последние несколько лет и точно знаю, как она выглядит.

Женщина 30+: Да мы же не об этом!

Стратег: Тише-тише. Мы достучимся.

Женщина 30+: Мы же говорим про эту его реакцию!

Стратег: Я знаю.

Он убирает опорную ладонь со стола, выдвигает соседний стул сбоку от меня и садится так близко, что его колено упирается в мое бедро, а наши лица оказываются на одном уровне. Я слежу за его движениями и оцениваю его реакцию.

— Дело не в том, что я считаю тебя способной на двойную игру, — продолжает он спокойно и прямо, глядя мне в глаза. — Если бы я тебе не верил, мы бы сейчас разговаривали совсем в другом тоне. Просто вчера в это время мы с тобой еще даже знакомы не были. Между нами за одну ночь произошло столько, сколько у других за полгода не случается, но за пределами этой квартиры я о твоей жизни пока не знаю почти ничего. Ни о твоих близких, ни о друзьях, ни о каком-то Дане.

Дмитрий кладет предплечье на стол, накрывает ладонью мою кисть, лежащую рядом с телефоном, и мягко сжимает мои пальцы.

— Ладно. Но ведь день-то у меня действительно свободный. Или ты хочешь, чтобы я каждому своему знакомому или другу теперь говорила: «Извини, у меня появился ревнивый мужчина, мы больше не можем дружить»? А у меня есть друзья мужского пола вообще-то. Даже если Даня в эту категорию не относится — это не отменяет всех остальных.

На словах «даже если Даня в эту категорию не относится» взгляд Дмитрия меняется: на его губах мелькает усмешка.

Он переворачивает мою кисть в своей руке ладонью вверх

и проводит большим пальцем по моему запястью.

— Значит, Даня у нас проходит по графе родственников, — констатирует он. — Брат, судя по тому, как просто вы общаетесь. Разыграла красиво, Валери, засчитано.

Психолог: Он меня немного бесит. Смотрите, как съехал с темы.

Он чуть сильнее сжимает мои пальцы, не отпуская руку, и уже серьезнее отвечает на мой вопрос:

— А что касается свободного дня и остальных.. Я уезжаю разгребать свои дела не для того, чтобы ты до вечера сидела в четырех стенах и смотрела на часы. И уж точно не собираюсь требовать, чтобы ты вычеркивала из жизни старых друзей или спрашивала у меня разрешения на встречи. Ты взрослая, самостоятельная женщина, мне в тебе именно это и нравится.

Психолог: Не верю. Гладко стелет, да жестко спать. Его первая реакция выдала его с головой.

Дмитрий чуть подается вперед:

— Но давай называть вещи своими именами. Я сам мужчина, и я с полувзгляда отличаю обычного приятеля от того, кто крутится рядом под видом «просто друга» и ждет своего шанса. От тебя мне нужно только одно — чтобы между нами не было слепых зон и недомолвок. Когда я знаю расклад и понимаю, кто есть кто в твоем кругу, я не стану дергать тебя по пустякам.

Психолог: Ну да. И, конечно же, вокруг меня вьются толь-

ко такие типы, от которых нужно меня охранять. Один звонок! Один звонок, и он вскипел, как чертов чайник!

Женщина 30+: Вроде уже успокоился.

Стратег: Съехал с собственного косяка.

Психолог: Ладно. По крайней мере живая реакция и нет того холода, который мы видели вчера по отношению к Светлане. Ставим тройку с плюсом.

Он подносит мою руку к своему лицу и целует сначала костяшки пальцев, а затем переворачивает кисть и прижимается губами к тонкой коже на внутренней стороне моего запястья, прямо там, где бьется пульс, не отрывая взгляда от моих глаз. Я безотрывно слежу глазами за его действиями, не улыбаясь.

Говорю спокойно, не ведясь на его поцелуи:

— Знаешь, ты очень удобно сейчас вышел из ситуации, в которой нормальные люди вообще-то сначала спокойно спрашивают, какие планы, а не буравят взглядом и не кидают претензию, будто я уже в чём-то виновата.

Дмитрий замирает. Пару секунд он смотрит на меня снизу вверх, затем опускает мою кисть обратно на столешницу, разжимает пальцы и откидывается на спинку стула.

Прищур и полуулыбка сходят с его лица. Он ненадолго отворачивается к окну и сдержанно выдыхает.

— Ладно. Справедливо, — произносит он, снова поворачивая голову ко мне. Голос звучит суховато. — С претензией я действительно перегнул. Вместо того чтобы нормально

спросить, начал давить с порога. Извини.

Психолог: Ого! Мы умеем извиняться!

Стратег: Я в шоке.

Женщина 30+: Не хочу эскалировать..

Он тянется к углу стола, забирает свои часы и не сразу, только со второго движения попадает язычком пряжки в нужное отверстие на кожаном ремешке. Застегнув часы на левом запястье, Дмитрий опускает предплечья на край стола и сцепляет пальцы в замок и смотрит на меня.

— Ты постараешься делать это по-другому? Я ведь даже сказать ничего не успела, только положила трубку, а у тебя на лице уже всё было написано.

Дмитрий смотрит на свои сцепленные пальцы. На словах про выражение лица уголок его рта кривовато дергается.

— За то, что у меня на лице в первую секунду написано, ручаться не буду — тут я себя вряд ли переделаю, — негромко отвечает он после небольшой паузы. — Но придержать язык и дать тебе сказать первой, вместо того чтобы сходу кидать претензии.. да, постараюсь.

Он расцепляет руки, опирается предплечьями о край стола и кладет ладонь на столешницу в паре сантиметров от моего запястья.

Психолог: Попытаемся поверить, что он обучаем. Даем позитивное подкрепление. Женщина, твой выход. Раскрываем карты про брата и обозначаем границы.

Мягко кладу свою руку на его и говорю:

— Спасибо, что услышал. И да, Даня — это мой брат, и он позвал меня с собой к родителям сегодня. Но даже если бы это был просто друг, я всё равно не заслужила недоверия. Хотя я и понимаю, что ты знаешь меня всего ничего и вполне себе можешь предполагать самые ужасные вещи. Но я могу тебе сказать, что у меня нет потребности иметь несколько романов.

Остаточная скованность в его плечах наконец отпускает. Дмитрий переворачивает руку ладонью вверх, переплетая пальцы с моими, и смотрит на наши руки, прежде чем поднять глаза.

— Самые ужасные вещи я о тебе и не думал, — говорит он уже теплее. — Если бы я считал, что ты из тех, кто параллельно крутит несколько историй, меня бы здесь сейчас просто не было. Но то, что ты говоришь об этом прямо, вместо того чтобы обидеться и закрыться — я это ценю.

Психолог: «Обидеться и закрыться». Дружок, у нас более современные методы перевоспитания.

Он чуть сжимает мои пальцы, большим пальцем поглаживая костяшки. На его губах мелькает короткая, немного самоироничная усмешка:

— Значит, семейный обед. Хорошее дело. Вечером тогда не буду дергать тебя лишними звонками, пока ты с близкими. Я как раз спокойно закрою все вопросы за городом и перевезу вещи на Пресню, а ты просто напиши мне, когда будешь собираться обратно — подстроюсь под твое время и

заеду за тобой сюда или сразу к родителям, как тебе будет удобнее.

Дмитрий забирает со стола свой телефон, поднимается со стула, но ладонь из моей руки выпускает не сразу — наклоняется ко мне и касается губами моей скулы и уголка рта, задерживаясь рядом.

— Хорошо, я тебе напишу.. Номерами, кстати, так и не обменялись, — улыбаюсь я.

Даю ему свой телефон с открытой клавиатурой набора номера.

На моих словах про номер Дмитрий на секунду замирает, а потом коротко и искренне смеется.

— И правда. Сразу перешли к главному, без бюрократии, — он берет из моих рук телефон, быстро набирает комбинацию цифр, сохраняет контакт под коротким «Дмитрий» и нажимает кнопку вызова.

Его собственный смартфон в другой ладони тут же отзывается вибрацией. Он сбрасывает звонок, чтобы номер остался в списке входящих, и возвращает телефон мне, попутно в несколько касаний вызывая себе такси через приложение.

По дороге к выходу Дмитрий поднимает с пола свою темно-серую футболку-хенли, встряхивает и надевает ее. Когда ткань ложится на плечи и лопатки, он едва заметно ведет плечом от соприкосновения хлопка с расцарапанной кожей. Я встаю и иду следом за ним.

В прихожей, рядом с моим аккуратно поставленным у стены кейсом для фишек и тубусом, он обувается и снимает с вешалки свое темное полупальто, перекидывая его через локоть.

Когда я шагаю к нему и обнимаю на прощание, Дмитрий свободной рукой сразу смыкает объятие на моей спине, прижимая меня к себе, и на несколько секунд зарывается лицом в мои волосы.

— До вечера, — негромко говорит он, чуть отстраняясь, чтобы напоследок коротко и крепко поцеловать меня в губы. — Жду сообщения, как освободишься.

Он поворачивает замок, открывает входную дверь и выходит на лестничную площадку, прикрывая за собой дверь с тихим щелчком язычка.

За входной дверью стихают шаги, и в квартире воцаряется тишина, в которой ещё держится запах свежесваренного кофе и его присутствия.

Я беру телефон, включаю свой плейлист — из динамика негромко раздаются знакомые аккорды и голос Тима Даниленко, сразу возвращая пространству привычный домашний ритм.

На кухне я не торопясь убираю со стола. Вода из-под крана смывает кофейную гущу со стенок медной турки и пену с двух чашек, которые ещё полчаса назад стояли друг напротив друга. Я вытираю насухо тарелки, убираю их в верхний шкафчик, провожу влажной тряпкой по столешнице у окна

и задвигаю стулья на место.

В голове тем временем собирается совещание.

Стратег: Итак, что мы имеем?

Психолог: Контролирующий тип. Ревнивый, собственник.

Женщина 30+: Нежный и страстный любовник, красивый, высокий, сильный..

Стратег: У него есть стержень. С ним надежно и спокойно, когда он не включает этого своего контролирующего ревнивца.

Женщина 30+: Ну не будем еще забывать, что он богатый.

Стратег: Но на шею садиться к нему у нас планов нет.

Женщина 30+: Подарки будут. Не пирожок из перехода метро, как Сережа нам приносил. И не «ничего» на восьмое марта, потому что, цитирую: «этот праздник — заговор цветочных лоббистов». А мы любим цветы.

Психолог: Он достаточно устойчив к давлению и манипуляциям. И спокойный, когда речь идет не о ревности. Но. Мы видели, как он говорил со Светланой вчера тогда у двери дома.

Женщина 30+: Он защищал нас. Да и он в таком раздрае вчера был..

Психолог: Согласна. В целом, если мы проведем работу по проблемам и травмам, из-за которых у него возникает ревность — получится достойный мужчина. Вопрос: насколько нам это нужно?

Стратег: Партия выгодная. И я не про деньги. Вложенные

усилия в его исцеление «окупятся»: мы получим надежного, спокойного, молодого и красивого мужчину, со стальным стержнем внутри, который будет нам опорой и поддержкой. Готовы ли мы вкладываться в него?

Женщина 30+: Я готова.

Бухгалтер: У меня моральные дебет с кредитом сходятся.

Психолог: Я согласна. Предлагаю попробовать. Посмотреть на его обучаемость и вообще, как будет идти процесс. Если он будет снова и снова возвращаться к тупой ревности — мы знаем, где выход. Если прогресс будет — мы в выигрыше.

Женщина 30+: Главное не растрачивать ресурс зря. И вовремя его восполнять.

Перейдя в комнату, я заправляю сбившуюся за ночь и утро постель, разглаживая ладонями простыню и взбивая подушки. В ванной снимаю резинку с волос, расчёсываю их и включаю фен: тёплый воздух высушивает волосы, и тёмно-русые пряди ложатся на плечи и ниже лопаток.

Стратег: И главное — мы не «спасаем» его. Спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Пока он заинтересован меняться к лучшему — мы готовы ему помогать. Как только мы увидим, что он только наседает и продавливает свое мнение, не слушая нас..

Психолог: Выход знаем где. Главное не попасть в зависимость от него.

Стратег: Никаких «я куплю тебе эту квартиру сам».

Женщина 30+: И никаких переездов под давлением. Только по нашему желанию, когда убедимся, что это морально безопасно и комфортно.

Стратег: Фиксирую решение: на данный момент отношения выглядят эмоционально перспективными, мужчина заслуживает того, чтобы мы были с ним.

В спальне под сменяющие друг друга треки я открываю шкаф и выбираю простую, удобную одежду для поездки к родителям — свободные джинсы и мягкую футболку, не сковывающую движений. Переодевшись, застёгиваю на запястье свои смарт-часы, лежавшие с ночи на прикроватном столике, и проверяю время: до приезда Дани остаётся ещё около часа.

Тем временем Дмитрий..

Забрав свой тёмный внедорожник со двора у Максима, Дмитрий сворачивает с загородного шоссе на территорию закрытого посёлка и останавливает машину на мощёной площадке перед собственным домом.

Двухэтажный особняк с панорамным остеклением, отделанный тёмным клинкерным кирпичом и лиственницей, — один из его старых авторских проектов, просторный и выверенный до мелочей.

Дмитрий глушит двигатель, пару секунд сидит в тишине салона, глядя на строгий фасад, затем берёт с пассажирского сиденья своё полупальто и выходит из машины.

Внутри дома стоит прохладная, почти музейная тишина

— по воскресеньям приходящая помощница по хозяйству не работает. В прихожей Дмитрий вешает пальто в гардеробную, разувается и проходит по светлому керамограниту в просторную кухню-гостиную с высокими потолками и большим островом из серого камня.

Светлана находится там. Она стоит у панорамного окна, выходящего на участок, в домашнем костюме из светлого трикотажа, с бокалом минеральной воды в руке. Волосы аккуратно уложены, но лицо бледнее обычного, а вокруг глаз залегли тени — ночь после вчерашнего отъезда на такси явно прошла у неё без сна.

Услышав шаги, она медленно поворачивается. Её цепкий, холодный взгляд сразу проходит по Дмитрию сверху вниз: фиксирует ту же тёмную футболку-хенли и джинсы, в которых он уезжал вчера вечером к Максиму, расстёгнутую верхнюю пуговицу и лёгкую небритость на скулах.

— Явился, — негромко, с натянутой, звенящей сдержанностью произносит она, подходя к острову и ставя стакан на каменную столешницу. — В два часа дня, во вчерашней одежде. Даже не потрудился придумать приличную легенду или хотя бы переодеться по дороге, Дима? Решил окончательно опуститься и устроить показательное выступление перед Максимом и Анной с этой обслугой по вызову?

Дмитрий останавливается с противоположной стороны кухонного острова, опираясь ладонями о прохладный камень. На безымянном пальце его левой руки отчётливо вид-

на чуть более светлая полоска кожи там, где восемь лет сидело платиновое кольцо.

— Оставь этот тон, Света, — ровно и спокойно отвечает он, глядя на неё через ширину столешницы. — Перед Максимом и Анной вчера выступал не я. И легенды придумывать я не собираюсь — для них просто больше нет повода. Я приехал забрать свои вещи на первое время и обговорить с тобой, как мы оформляем развод.

Слово «развод» повисает в прохладной тишине просторной кухни.

Светлана замирает. Пару секунд она смотрит на него так, словно ослышалась, а затем её взгляд падает вниз — на его левую ладонь, лежащую на сером камне столешницы, и на бледную полоску кожи на безымянном пальце.

Лицо Светланы мгновенно меняет выражение: заготовленная с ночи надменность сменяется короткой растерянностью, а следом — резкой, сухой краской на скулах. Когда вчера она хлопала дверью у Максима и уезжала домой одна, она рассчитывала проучить его за публичное унижение, ждала затяжного скандала, ледяного молчания на неделю или попыток замять историю перед друзьями — но точно не того, что на следующий день он приедет без кольца собирать вещи.

Она издаёт ломкий смешок и делает шаг вплотную к острову.

— Ты сейчас серьёзно, Дима? — её голос срывается на

полтона выше, теряя выверенную ровность. — Развод? То есть ты вчера вечером на глазах у наших друзей демонстративно остался с какой-то девкой по вызову, не пришёл ночевать домой, а сегодня приезжаешь и с порога кидаешь мне «развод»?! Решил, что лучший способ заткнуть мне рот после вчерашнего — это пойти на опережение?!

Дмитрий сжимает челюсти, но голоса не повышает.

— Ещё одно такое слово в её адрес — и наш разговор закончится прямо сейчас, Света, — жёстко, отчеканивая каждую фразу, произносит он. — Дальше будешь общаться исключительно с моими юристами через секретаря. Я тебе ещё вчера в прихожей у Максима популярно объяснил: своё высокомерие оставь при себе. Ты понятия не имеешь, кто она, и грязью поливать её в моём присутствии я тебе не позволю.

От того, с какой холодной яростью он мгновенно встаёт на защиту другой женщины в их собственном доме, Светлану передёргивает. Она сжимает край острова так, что белеют костяшки.

— Ты мне рот в моём доме затыкаешь из-за бабы, которую знаешь сутки?! — выдыхает она, и в её глазах встают слёзы бешенства. — У тебя в тридцать пять лет крышу сорвало от одной ночи на стороне?! Восемь лет брака, Дима! Восемь лет общей жизни, общего круга, статуса — и ты перечёркиваешь всё это за одно воскресенье, потому что тебе захотелось поразвлечься после покера?!

— Я не затыкаю тебе рот, я ставлю границу, которую пе-

реходить не надо, — твёрдо отрезает Дмитрий. — И не делай вид, будто ещё в пятницу у нас с тобой была счастливая семья, которую кто-то разрушил за одну ночь. Вчерашний вечер стал точкой, а не причиной. Мы больше двух лет спим в разных концах второго этажа, Света. Мы разговариваем только о том, во сколько выезжать в гости и какой подарок купить очередным знакомым на юбилей. Нас с тобой давно ничего не держит вместе, кроме этого дома и привычки выходить в люди парой.

— Все так живут через восемь лет! — резко бросает она, ударяя ладонью по камню столешницы. — Это называется взрослый брак, а не подростковая истерика! Люди не рушат свою жизнь и репутацию из-за того, что им вдруг захотелось свежих эмоций на выходных! Ты хоть понимаешь, как это будет выглядеть со стороны? Что ты скажешь Максиму, партнёрам, моим родителям?! Что ты бросил жену сразу после того, как укатил в ночь с ведущей из интернета?!

Дмитрий смотрит на неё в упор:

— Если для тебя этот холод в четырёх стенах — нормальный взрослый брак, то для меня нет. Я так жить больше не собираюсь. Ни ради Максима, ни ради партнёров, ни ради твоих родителей. Из этого дома уезжаю я, сейчас. Дом остаётся тебе. И давай без криков обсудим финансовую часть, чтобы закрыть этот вопрос по-человечески.

На словах «по-человечески» лицо Светланы искажается. Она резко хватает со столешницы недопитый стакан с мине-

ральной водой и со всей силы швыряет его об пол у ножки каменного острова. Толстое стекло разлетается вдребезги с оглушительным звоном, брызги и осколки веером разлетаются по светлому керамограниту.

— По-человечески?! — срывается она на крик, даже не глядя на разбитый стакан. — Ты мне сейчас дом с барского плеча кидаешь, как уволенной секретарше выходное пособие?! Благородного спонсора из себя строишь?! «Дом остаётся тебе, давай обсудим финансовую часть»! Да пошёл ты со своим благородством, Дима!

Дмитрий резко отступает на полшага от разлетевшихся осколков. Он уже не скрывает злости.

— Истерику мне тут не устраивай и посуду не бей, — жёстко, повышая голос, обрывает он. — Я с тобой нормально разговаривать приехал, без грязи!

— Без грязи надо было вчера разговаривать! — выкрикивает Светлана, обходя остров сбоку и наступая прямо на мелкие крошки стекла домашними тапками. Её трясёт от бешенства и унижения. — По-человечески — это когда приходят и говорят о разводе ДО того, как на глазах у всех общих друзей зажимают девку на кухне и уезжают с ней трахаться на всю ночь! Ты меня вчера перед Максимом и Анной в дерьмо лицом макнул, а сегодня приехал в несвежей футболке рассказывать мне про холод в четырёх стенах?!

Она вскидывает руку, тыча пальцем в его грудь:

— Холодно ему на втором этаже спалось последние два

года! А ты забыл, как первые пять лет жил на своих стройках и в офисе до полуночи?! Как тебе дома нужна была не жена, а удобная картинка без проблем, чтобы возить по ужинам с заказчиками и подрядчиками?! А когда я привыкла жить своей жизнью и перестала заглядывать тебе в рот — ты вдруг вспомнил, что тебе тепла не хватает?! Лицемер!

Её слова попадают в цель. Дмитрий отвечает так же резко:

— Да, жил на стройках! Потому что поднимал компанию с нуля, чтобы ты могла жить в этом посёлке, скупать пол-Милана и ни одного дня в жизни не думать, откуда берутся деньги на твоих счетах! Только когда я перестал ночевать на объектах и начал возвращаться домой вовремя, выяснилось, что кроме моих карт и фамилии тебе от меня вообще ничего не нужно! Любая попытка подойти к тебе заканчивалась твоей мигренью, недовольным лицом или разговорами о том, кто из жён твоих знакомых какую виллу снял на лето!

— И поэтому ты решил пойти по рукам на глазах у всего нашего круга?! — голос Светланы дрожит от ненависти и слёз, которые наконец прорываются и текут по её напудренным щекам. Она смахивает их тыльной стороной ладони, размазывая тушь у внешнего уголка глаза. — Думаешь, откупишься от меня этой загородной коробкой и подачкой на карту, чтобы я молча утёрлась и освободила тебе место под новую подстилку?! Чёрта с два, Дима! У нас восемь лет официального брака без всяких брачных контрактов! Я через суд выверну наизнанку твои счета и заберу половину все-

го, что ты тут настроил, понял?! Будешь делить со мной каждый свой посёлок!

Дмитрий криво усмехается. Его попытка спокойно договориться закончилась.

— Делить посёлки? — резко переспрашивает он, сжимая кулаки. — Вот мы и дошли до сути! Восемь лет семьи, говоришь, общие годы, чувства — а как только прозвучало слово «развод», ты первым делом начала считать, сколько с меня можно содрать?! Хочешь судиться за компанию, в которой ты за все эти годы даже порога офиса лишний раз не переступила, потому что тебе там пахло пылью и стройкой? Да пожалуйста! Только тогда забудь про мои слова насчёт дома и содержания. Хочешь войны по закону — будем делить всё через суд и адвокатов!

Он резко разворачивается, перешагивает через рассыпанные по керамограниту осколки и идёт к лестнице на второй этаж.

Светлана не остаётся внизу. Сорвавшись с места, она идёт следом за ним по ступеням, на ходу стирая ладонью размазавшуюся под глазом тушь.

— Очень удобно, Дима! — её голос звенит в пролёте лестницы, пока она поднимается за ним. — Сначала сам попрекнул меня деньгами, сам ткнул носом в свои счета и Милан, а теперь рад стараться — выставил меня алчной стервой, чтобы совесть не давила! Конечно, так ведь гораздо проще уходить из дома к новой бабе, когда убедил себя, что жена с то-

бой только из-за кошелька жила!

Дмитрий заходит в свою гардеробную при спальне, в которую перебрался два года назад, с силой дёргает с верхней полки большую дорожную сумку из плотной кожи и бросает её на банкетку. Движения у него резкие: он срывает с плечиков рубашки и брюки, сгребает с полок трикотаж и сваливает всё в сумку без всякого порядка, сминая рукава и воротники.

— Моя совесть тут вообще ни при чём! — огрызается он, не оборачиваясь к дверному проёму, в котором останавливается Светлана. — Я с тобой два года в разных спальнях живу не из-за кого-то на стороне! И не надо мне сейчас рассказывать, как ты тут страдала в одиночестве, пока я пропадал на работе. Когда у компании три года назад банк кредитную линию заморозил и я полгода без выходных вытаскивал стройку из ямы, ты у меня хоть раз спросила, как я вообще держусь?! Ты в это время с дизайнером ругалась из-за оттенка камня в гостиной и губы дула, что я с тобой в Италию на две недели не полетел!

Светлана прислоняется плечом к косяку гардеробной, скрестив руки на груди; её пальцы мелко вздрагивают, но говорит она уже тише, но не менее зло:

— Потому что ты мне ничего не говорил! Ты приходил домой с каменным лицом, запирался в кабинете и цедил сквозь зубы «всё нормально, не лезь в рабочие дела, я сам разберусь»! Тебе никогда не нужна была жена на равных, Дима! Тебе нужно было либо чтобы тобой молча восхищались, ли-

бо чтобы не отсвечивали под ногами, когда ты устал! А когда я перестала биться головой об эту стену и занялась этим чёртовым камнем в гостиной — ты решил, что я пустая и холодная!

Дмитрий замирает с ворохом тёмных футболок в руках. Удар попадает в неприятное, уязвимое место — он действительно ненавидел тащить проблемы бизнеса в дом и годами обрубал любые вопросы коротким «не бери в голову». Пару секунд он молча смотрит на опустевшую полку, а потом с силой запихивает вещи в сумку.

— Значит, мы оба хороши и оба друг другу обрыдли, Света, — бросает он уже без прежнего крика, выдвигая ящик комода. — Тем более нет никакого смысла тянуть это дальше и делать вид, что тут ещё можно что-то склеить.

Он забирает из ящика загранпаспорт, папку с личными документами, коробку с запасными часами и с резким металлическим звуком застёгивает молнию на переполненной сумке. Но когда он берётся за кожаные ручки и поворачивается к выходу, Светлана не отходит с прохода, преграждая ему дорогу в коридор.

— Ты мне одно скажи, — тихо, глядя ему прямо в лицо покрасневшими глазами, произносит она. — Ты правда настолько ослеп за одну ночь, что думаешь, будто этой твоей ведущей с сайтов объявлений нужен ты сам, а не твой чек и машина, на которой ты приехал к Максиму?

Дмитрий перехватывает поудобнее ручки тяжёлой сумки

и смотрит сверху вниз на её покрасневшие глаза и размазанную тушь. Челюсти у него всё ещё сведены от недавнего крика, но оправдываться или доказывать что-то насчёт Валери он не собирается.

— Кому и что от меня нужно — это больше не твоя забота. Не надо мерить всех по себе, и обсуждать её с тобой я не буду. Дай пройти, — сухо бросает он.

Светлана ещё пару секунд смотрит на него, потом отходит в сторону, освобождая проход в коридор.

— Катись, — хрипло выговаривает она, отворачиваясь к перилам лестницы и обхватывая себя руками за локти. — Только когда через месяц наиграешься в эту свою свежесть и поймёшь, на что променял восемь лет жизни, сюда не возвращайся. За остальными тряпками пришлёшь водителя. Видеть тебя не хочу.

Дмитрий ничего не отвечает на этот выпад. Он выходит из гардеробной, задевая плечом дверной косяк, и быстро спускается по лестнице на первый этаж.

В прихожей он ставит сумку на пол, обувается и надевает своё тёмное полупальто. Сунув руку в карман джинсов, он нащупывает там холодный ободок платинового кольца, снятого вчера за ужином у Марко. Пару секунд он крутит его в пальцах, а затем вынимает и с тихим стуком кладёт на консоль у входного зеркала.

Взявшись за ручку входной двери, он на мгновение задерживается и, не оборачиваясь к лестничному пролёту второго

этажа, негромко произносит:

— Когда остынешь — подумай головой, а не обидой. Дом я у тебя забирать не стану, от своих первых слов не отказываюсь. Но если решишь устроить цирк с судами вокруг компании — разговаривать больше вообще не о чем. Завтра мой юрист наберёт тебе, чтобы согласовать документы.

— Пошёл вон, Дима! — доносится сверху сорванный голос Светланы.

Дмитрий открывает массивную дверь, выходит на крыльцо и плотно захлопывает её за спиной. Бросив сумку на заднее сиденье внедорожника, он садится за руль, заводит двигатель и, резко выкрутив руль, выезжает со двора к воротам посёлка, направляясь обратно в Москву — в пустующую квартиру на Пресне.

Тем временем Валери..

В моей квартире стрелки приближаются к двум часам дня. Из динамика телефона всё так же негромко играет мой плейлист, но посреди очередного трека музыка вдруг приглушается, и экран загорается входящим вызовом от Дани.

— Валери, я уже сворачиваю с проспекта в твой двор, — бодро сообщает брат, когда на фоне слышится тихое щелканье поворотника. — Через две минуты буду у твоего подъезда, можешь выходить!

Я накидываю куртку, обуваюсь и, захватив телефон и небольшой рюкзак, выхожу из дома и спускаюсь вниз.

На улице свежо и солнечно. Машина Дани уже стоит у са-

мого бордюра напротив подъезда, с работающим двигателем.

Когда я открываю пассажирскую дверь и сажусь в салон, пахнущий кожей и знакомым древесным ароматизатором, Даня убавляет громкость радио и поворачивается ко мне с широкой улыбкой. На нём удобный повседневный свитер и расстёгнутая куртка.

— Привет, мелкая. — Он тянется через консоль, обнимает меня одной рукой за плечи и, дождавшись, когда я пристегну ремень, плавно трогается с места, выруливая из узкого двора на проспект.

Воскресный поток машин движется свободно, без будничных пробок. Даня перестраивается в средний ряд, привычно положив одну руку на верх обода руля, и бросает на меня короткий взгляд.

— Хорошо, что ты сегодня свободна. Мама там уже с двенадцати часов на кухне шуршит, грозилась запечь утку или что-то в этом духе, а батя мне с утра два раза звонил — консультировался, какую зимнюю резину лучше брать в этом сезоне, как будто до заморозков завтрашнего дня не дожить, — он усмехается, переключая поворотник на светофоре. — А ты как? Вчера допоздна народ развлекала со своими играми или спокойная суббота выдалась?

Стратег: Про Дмитрия пока не говорим. Рано. Как все более-менее устаканится, тогда и скажем семье.

— Вчера гоняла за город к каким-то мажорам. Один другого богаче. Но без выёбонов, знаешь. Спокойная, веселая

компания. В целом нормально все прошло, без инцидентов.

Даня понимающе кивает, плавно притормаживая перед пешеходным переходом и пропуская женщину с собакой.

— Ну и отлично, что адекватные попались, — отзывается он, снова набирая скорость. — У меня по работе с заказчиками та же история: если люди сами бизнес поднимали, с ними вообще проще всего иметь дело, никакой лишней пальцовки, всё чётко и по делу. А вот когда приходят чьи-нибудь скучающие жёны или родственники руководить закупками — там хоть святых выноси, мозг вынесут чайной ложкой за каждую копейку.

Он усмехается уголком рта, перестраиваясь на развязке в сторону района, где живут родители, и бросает короткий взгляд в боковое зеркало.

Женщина 30+: «Скучающая жена» — это он в точку.

Психолог: Ее тоже понять можно. Ее муж вел себя так себе.

Женщина 30+: Мы вроде договорились не судить его за его выбор.

Психолог: Ладно, проехали.

— Единственное — за город по субботам со всем твоим инвентарём таскаться то ещё удовольствие, наверное. Обратно-то нормально доехала, не в ночи возвращалась?

Женщина 30+: Ох, как мы вчера возвращались..

В животе на секунду просыпается возбуждение от воспоминаний о вчерашнем. Но я беру себя в руки.

— Ну как закончила, так и вернулась, — говорю я спокойно. — Я же на своей машине гоняю. У тебя-то все нормально?

Машина сворачивает с широкой улицы в знакомый с детства квартал со сталинскими кирпичными домами и дворами, засаженными разросшимися клёнами и липами. Даня сбавляет ход, высматривая свободное место на парковке вдоль длинного фасада родительского дома.

Даня аккуратно вписывает машину на свободное место у бордюра под раскидистым клёном, глушит мотор и забирает ключи.

— Да у меня всё отлично, — отвечает он, выходя со мной из машины и ставя её на сигнализацию. — На этой неделе наконец дожали контракт на поставку вентиляционных установок для цеха под Подольском, с которым я два месяца возился. Так что квартал закрываю с хорошим плюсом, даже думаю в следующем месяце выбить себе недельку отпуска и слетать куда-нибудь погреться.

Мы заходим в знакомый подъезд с высокими потолками и поднимаемся наверх. Стоит Дане нажать на кнопку звонка, как за дверью почти сразу слышатся торопливые шаги, щёлкает замок, и на пороге появляется мама в домашнем платье и с кухонным полотенцем в руке. Из квартиры в подъезд тут же тянет ароматом запечённой с яблоками утки и сдобы.

— Приехали наконец-то! — лицо Елены светлеет, она откладывает полотенце на тумбочку в прихожей и сначала

крепко обнимает меня, целуя в щёку, а следом тянется к Дане. — Проходите, разувайтесь, у меня как раз духовка пропищала, всё с пылу с жару.

Из глубины коридора в домашних брюках и клетчатой рубашке выходит папа, на ходу убирая очки для чтения в нагрудный карман.

— О, вся гвардия в сборе, — с улыбкой говорит Роман, похлопывая Даню по плечу, а затем обнимая меня за плечи, когда я снимаю куртку и рюкзак. — Ну здравствуй, дочка. Давно вы у нас вдвоём одновременно не появлялись, всё по очереди да на бегу.

— Потому что у кого-то по выходным самая работа начинается, — с улыбкой замечает мама, возвращаясь в сторону просторной кухни, где уже накрыт стол со свежей нарезкой, салатом и бокалами под сок и морс. — Мойте руки и идите за стол. Рассказывайте, какие у вас новости за неделю, а то от вас по телефону кроме «всё хорошо» ничего не добьёшься.

Женщина 30+: У тебя глаза на лоб полезут от наших новостей. Но не сегодня.

— Привет, мам, папуля. Отлично выглядите. Пап, ты что, начал качаться? — с улыбкой хлопаю его по плечу.

Папа от моей шутки довольно крякает, тут же расправляя плечи под клетчатой рубашкой и для солидности втягивая живот.

— А то как же! — с важным видом отзывается Роман, подмигивая Дане. — Вчера в гараже четыре колеса на дис-

ках с верхней полки снял и обратно закинул, пока ревизию наводил. Чем тебе не кроссфит?

— Тяжелоатлет, не иначе, — смеётся мама, когда мы проходим на кухню, и передаёт мне плетёную хлебницу с салатником, чтобы я выставила их на стол. — Только этого спортсмена на той неделе всей семьёй уговаривали дойти до соседней улицы в поликлинику на плановый осмотр.

Пока я расставляю салат, хлеб и раскладываю вилки с салфетками, мама надевает плотные прихватки, открывает духовку и достаёт широкую стеклянную форму. В ней шкварчит утка с румяной корочкой, обложенная печёными яблоками и картофелем.

Стратег: Мы не любим утку.

Психолог: И мы знаем, как нервничает мама, если мы отказываемся от еды. Сегодня не хочется спорить.

Блюдо занимает место в самом центре стола на деревянной подставке, и мы рассаживаемся по своим привычным местам. Даня берёт пузатый кувшин и разливает всем по стаканам прохладный домашний морс, а папа вооружается лопаткой и раскладывает горячее по тарелкам.

За обедом разговор течёт легко и непринуждённо: сначала обсуждают папину машину и скорые заморозки, потом Даня рассказывает родителям про свой закрытый под Подольском контракт и про то, что в следующем месяце собирается взять неделю отпуска.

— Давно пора, — одобрительно кивает отец, намазывая

горчицу на кусок чёрного хлеба. — А то вы оба со своей работой вечно в бегах.

Мама с тёплой улыбкой переводит взгляд с брата на меня, подвигая поближе к моей тарелке блюдо с пирожками.

— И не говори. У Дани хоть отпуск по графику положен, а Валери сама себе директор — как выходные, так с этим своим тяжёлым чемоданом по всей Москве мотается, — Елена ласково смотрит на меня. — Хорошо хоть сегодня выдалось полностью свободное воскресенье, можно никуда не спешить и спокойно посидеть у нас до самого вечера.

Папа согласно кивает, отпивая морс из стакана, а Даня накалывает на вилку кусочек запечённого яблока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.